

К. Лукашевич

Честное СЛОВО

Клавдия Владимировна Лукашевич

Честное слово

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54075086

Честное слово / Лукашевич К.: Зёрна-Слово; Рязань; 2011

ISBN 978-5-903138-84-5

Аннотация

Произведения Клавдии Владимировны Лукашевич (1859–1937) пронизанные милосердием, состраданием любви к детям составляют золотой фонд русской детской литературы. Большинство произведений сборника «*Честное слово*» впервые публикуется после столетнего забвения замечательного автора. «Я изображала правду жизни, но брала большею частью хорошее, чистое, светлое; оно действует на юных читателей успокоительно, отраднo, примеряюще» – писала К. Лукашевич. Повести и рассказы сборника без сомнения, вызовут интерес и детей и взрослых своими интересными сюжетами, зарядом добра, оптимизма, веры. Рекомендуем для семейного чтения.

Содержание

Честное слово	6
Новая больная	6
Приём родных	14
Честное слово	22
Две жизни	29
Прачечная Новиковой	34
Чужая	39
Бабушка и внучка	47
Непримиримая	53
Муки совести	59
На долю сиротки	71
Честное слово исполнено	76
Тени прошлого	90
Беднота	103
I	103
II	110
III	115
IV	124
V	130
Две сестры	138
Дашета и Машета	138
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Клавдия Лукашевич

Честное слово.

Повести и рассказы

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Рус-
ской Православной Церкви
(ИС 10-10-0753)*

Честное слово

Повесть

Новая больная

Был полдень. Доктора только что обошли палаты. По большим высоким коридорам больницы бесшумно, суетливо проходили сиделки и больничные служители, приносили носилки, чашки, бинты, вату, тряпки; из палат выходили и входили сестры милосердия и фельдшерицы с градусниками, сигнатурками и лекарствами в руках, исполняя предписания врачей. Пахло карболкой и лекарствами. В палатах слышались разговоры, возгласы, иногда стоны.

В палату № 10 привезли новую больную. Это палата называлась хирургической, и туда клали только тех, кому нужно было делать операцию.

В палате № 10 помещалось всего 8 человек больных; вторая от входной двери кровать была свободна, и на неё положили новую больную. Сестра милосердия, высокая, белокурая девушка с серьёзным лицом, привела её под руку из приёмной, где больная уже переделалась из своего платья в больничный халат. Казалось, это была девочка лет 14–15; худенькая, со впалыми большими чёрными глазами, с шапкой курчавых коротких волос на голове, она походила на цыганку.

Сестра милосердия, умелая и ловкая в своих приёмах, помогла больной раздеться и заботливо уложила её на кровать; та застонала.

– Что, милая, больно вам или неловко? Что-нибудь надо? – спросила сестра, и по её серьёзному лицу пробежала тень заботливого участия.

– Нет... Благодарю вас... – тихо ответила новая больная.

– Может, успокоительных капель дать? Вы, наверно, волнуетесь?

– Благодарю вас. Не надо.

– Кажется, вы озябли, милая... И руки и ноги холодные, как лед. Я вам грелочки положу... Это вас подбодрит.

– Не беспокойтесь. Не надо, – тихо ответила больная, закрыла утомлённые глаза и откинулась на подушку.

На новую больную со вниманием и любопытством смотрело множество глаз. Все больные приподнялись и наблюдали за происходившим. На лицах их выражались и оживлённое участие и любопытство. Здесь так мало бывало разнообразия, что всякое новое событие волновало и оживляло всю палату.

Сестра милосердия направилась было из палаты за грелками.

– Сестрица, сестрица, пожалуйста, подойдите ко мне, – раздался старческий голос.

Старушка, с лицом сморщенным, как печёное яблоко, поднялась на постели и выражала большое нетерпение. Она махнула рукой и кивала головой.

– Что вам надо, бабушка? – улыбаясь, спросила сестра, подходя к ней.

– Кто она такая, эта девочка-то? Что у неё болит? Когда операция-то? – закидала старушка вопросами сестру.

– Право, я ещё и сама ничего не знаю... Успокойтесь, всё

узнаете в своё время.

– Да кто она такая? Есть ли родители-то? Больно ей, что ли, что она так морщится и стонет? – не унималась старушка.

– Тише вы, бабушка... – сестра указала глазами на больную.

Та открыла глаза.

Сестра вышла из палаты. Старушка очень волновалась.

– Прасковья Ивановна, – обратилась она к полной красивой женщине, лежавшей рядом с новой больной, – вы узнайте у барышни, какая ей будет операция.

– Хорошо, бабушка, хорошо, – ответила та.

Старушка начала говорить с соседкой и говорила долго и безостановочно, всецело интересуясь новой больной.

Новая больная глаз не открывала. Её детское, прозрачное личико выражало страдание; на лбу лежали скорбные складки; черты лица были тонкие, точно выточенные.

Рядом с ней, ближе к двери, лежала полная женщина, та, которую старуха называла Прасковья Ивановна; у неё было румяное, полное, красивое русское лицо, толстые русые косы падали по плечам и спускались по постели, большие серые глаза смотрели открыто и ласково. Она часто участливо взглядывала на свою соседку, и порою её глаза застилали слёзы.

По другую сторону новой больной лежала девочка с забинтованными ногами, далее женщина с обвязанной головой. Напротив помещались две старушки и две молодые

женщины; одна из них, вся в веснушках, по-видимому, страдала и часто охала.

В час дня в палату сиделки принесли обед; все оживились, кто сел, кто приподнялся. Новая больная отказалась.

– Я не хочу ничего, – тихо сказала она.

– Покушайте немного супу. Надо подкрепляться, иначе вы ослабеете, – сказала ей участливо соседка.

– Благодарю вас, я не хочу.

– Милая барышня, какая у вас болезнь-то? Когда операция-то? – громко, на всю палату спросила с другого конца любопытная старушка.

– Не знаю, – был тихий ответ.

– Как так не знаете! А родители или сродственники-то у вас есть? Вы здешняя или приезжая?

Новая больная закрыла глаза и ничего не ответила.

– Не отвечает... Подумайте, какая. Гордая, что ли... Я со всеми рада поговорить... И чего таиться! Ну, вот говорю и про болезнь свою, что у меня желчные вырезали и облегчили меня... И слава Богу... А то намучилась я...

– Эх, бабушка, что за охота вам спрашивать. Иному человеку не до разговоров... Может, боль мучает... Может, на сердце-то ещё больнее, – перебила старушку полная женщина.

Новая больная точно очнулась, приподняла голову, уставила большие глубокие глаза на соседку. Она посмотрела на неё внимательно и, ни слова не говоря, опять опустилась на

подушку, тихо застонав.

– Ну, что же... Не хочет и не надо говорить. Из сожаления ведь я спрашивала. А мне всё равно. Что мне... Я ведь так, – долго ворчала старушка и заговорила со своей соседкой, начав ей рассказывать то, как она ходила на богомолье.

Новая больная лежала молча; она ни с кем не говорила ни слова. К ней подходили сестры, давали ей лекарства, спрашивали ласково. «Да. Нет. Благодарю вас», – только и отвечала она.

Больные уже хорошо были знакомы между собой, вели разговоры, шутили, смеялись, расспрашивали о семейных делах, о близких. На другой день все ожидали приёма родных.

– Ко мне сын обещал прийти... Да урвётся ли, не знаю. Он ведь столяр, занят, – сказала старушка.

– Мои, пожалуй, все придут, – сказала полная женщина.

– Славная у вас девочка, Прасковья Ивановна, – заметила ей соседка с обвязанной головой.

– Одна дочь... Баловница... – ответила она, и лицо её озярилось нежностью и лаской.

– Который ей годок-то?

– Шесть лет исполнилось.

– Какая она у вас рослая, полненькая, Христос с ней... Право, ей можно дать десять. Видно, что все её балуют.

Новая больная вздрогнула, быстро повернулась и снова долгим, внимательным взглядом посмотрела на свою сосед-

ку. Затем она закрыла лицо руками и легла ничком в подушку. Она вздрагивала; неизвестно, плакала ли она или её била лихорадка.

– Барышня, милая, вам может, нехорошо? Может, сестрицу позвать? – Нет. Благодарю вас, – послышался глухой ответ.

Так никто и не добился от новой больной ни слова, никто не узнал, кто она, откуда, какая у неё болезнь, где её родные – Эх, уж такие есть люди иные гордые... До других им дела нет... А я вот, проста, очень проста. Душа у меня нараспашку... Что на уме, то и на языке, – говорила сморщенная старушка, ни к кому не обращаясь. Её надоедливую болтовню никто и не слушал.

Приём родных

В палатах было всё прибрано. Больные находились в волнении: все поминутно посматривали на дверь. Глаза выражали нетерпение, ожидание... Начинаясь приём посетителей. В палату входили родные, знакомые, с пакетами, с узелками. Все они переживали, кто страх, кто надежду, кто радость за своих страждущих. Лица больных оживали, прояснялись счастьем, улыбкой. Зато ещё грустнее становились лица тех, к которым никто не приходил. К иным и прийти было некому.

В большие, светлые окна больничных палат заглянуло солнышко, как бы посылая свой привет и утешение страдающим.

В палату № 10 явились обычные посетители. К старушке пришёл сын, к девочке – мать и ещё какая-то знакомая женщина. К Прасковье Ивановне пришёл муж, мужчина маленького роста, некрасивый и кривоногий, старуха-свекровь и девочка. Девочка была румяная, толстенная. Старуха-свекровь была одета в тёмное платье с кофтой, на голове её был чёрный, кружевной платок. Это была деловитая старуха, сухощавая и энергичная; маленькие круглые серые глаза пытливо оглядывали присутствующих и подолгу останавливались на чернокудрой соседке.

– Это что же, новая? – спросила она Прасковью Ивановну.

– Да. Видно, шибко мається...

Сначала больная лежала неподвижно, как статуя, при блеске солнца она казалась совершенным ребёнком: маленькое личико, бледное, худое, тонкие черты лица и большие чёрные глаза, полные безысходной тоски. Казалось, эти глаза ни на что не надеялись, никогда не смотрели светло и весело... Чёрные кудри разбросались по подушке. Когда кто-нибудь входил в палату, больная приподнималась и тревожно взглядывала. Затем медленно отводила глаза и у неё вырывался вздох, глубокий и грустный.

– Наверно, жидовка соседка-то? – спросила Прасковью Ивановну свекровь.

– Не знаю, – ответила она.

Соседка мельком взглянула на говоривших и опять уставила тревожный взгляд на входную дверь.

– Вы, голубушка, наверно, родственников ждёте? – не утерпела и спросила свекровь.

– Да, – был короткий ответ.

– А чем вы хвораете?

– Не знаю, – больная отвернулась, показав, что не хочет говорить.

В это время в дверях палаты показались женщина и девочка.

Больная с чёрными кудрями приподнялась, протянула руки вперёд, как будто задохнулась от счастья, и обессиленная упала на подушку... Девочка, как две капли воды похожая

на неё, с плачем бросилась к ней:

– Мамуся, мамуся моя...

Они обнялись и замерли. У девочки были те же кудри, те же печальные глаза без улыбки, с тяжёлой тайной горя. Только девочка как будто казалась тут старшей. Она гладила худенькой ручонкой мать по волосам, по лицу и что-то ей шептала на ухо... А у той пробежали по лицу успокоительные думы; она тоже что-то шептала девочке на ухо.

Так, прижавшись друг к другу, они, казалось, забыли весь мир... А мир смотрел на них. Все больные были удивлены: значит, у этой молоденькой, чёрненькой больной есть дочь... Прасковья Ивановна, взглядывая на эту немую сцену, то и дело отирала слёзы и качала головой. Её девочка, весёлая, живая, не могла посидеть ни минутки спокойно: то она вертелась на кровати, то бросалась на шею отца, то заигрывала с матерью, перебирая её косы, и её звонкие взрывы смеха оглашали палату.

– Не шали, Параня! Здесь, доченька, нельзя баловать... Видишь, тут больные... – уговаривала её мать.

Но Параню уговорить было трудно, и она вертелась, как юла.

– Не балуйся ты! – строгим окриком отозвалась бабушка и дёрнула девочку за ухо.

Та бросилась к матери и собралась плакать.

– За что же вы её, маменька? Ведь она глупая...

– Высечь её надо, баловницу! Такая вольница...

Девочка притихла, припав на грудь матери.

Курчавая соседка сидела по-прежнему, прижавшись к своей девочке. Они обе молчали, высказав всё, что наболело на душе. Женщина, которая привела девочку, была совершенно безучастна. Это была совсем простая женщина, бедно одетая, в ситцевом платке на голове. Прасковья Ивановна всё время говорила с мужем и со свекровью вполголоса о своих делах.

– С графским бельём справились? – спрашивала она.

– Справились. Были довольны. Только что-то там одну рубашку не так выгладили, так вернули, – ответил ей муж.

– А я Дуняшку кривую рассчитала... Как ты хочешь, Паша... Видеть её не могу, – сказала старуха.

Прасковья Ивановна приподнялась и заговорила взволнованно и огорчённо.

– Ну, зачем вы это сделали, маменька? Девушка она хорошая, тихая... Зачем вы без меня распорядились?

– Такая копунья, растеряха, разиня... Просто выводит из себя. Выгнала её! Не могла...

– Нет уж, маменька, вы без меня моих мастериц не трогайте. И Дуняшу верните... Она работает тихо, да зато исправная...

– Ну, что же, корми дармоедов, коли охота... Твоё дело... А по-моему и не глядела бы я на таких работниц!

– Нет, уж вы её оставьте... И в моё дело не вмешивайтесь.

– Не вмешиваюсь, голубушка, и так не вмешиваюсь... Ну,

а без тебя должна же я распорядиться, коли непорядки вижу...

– Дуняшку жалко. Она много горя видела с малолетства. Работает тихо, правда, да зато и меньше получает. Пошлите за ней, маменька.

Старуха была недовольна и, надувшись, отвернулась.

Муж поспешил успокоить жену: «Пошлём, пошлём... Как скажешь, так и будет. Ты хозяйка, твоё дело. Не думай об этом...»

Соседка и её девочка сидели обнявшись и снова тихо шептались что-то друг другу на ухо. Курчавая больная глаз не спускала со своей девочки, и её грустные глаза поминутно застилались слезами.

Параня шалила: заигрывала со всеми, кивала головой чёрной незнакомой девочке, но та только раз взглянула на неё и улыбка, болезненная и печальная, искривила её ротик. Точно это улыбнулось не дитя, а взрослая настрадавшаяся женщина.

Приём кончился, и родственники стали расходиться. Первыми поднялись муж и свекровь Прасковьи Ивановны. Их торопила резвая Параня: «Домой хочу. Пойдёмте домой», – гнула она.

– Что же, тебе надоело у мамы-то в больнице? – спросила её мать.

– Да... – ответила откровенно девочка.

– Ишь ты, маму не жалеешь... Вон та девочка жалеет свою больную маму...

Прасковья Ивановна указала на соседку.

– Нет, жалею... Домой хочу...

Параня готова была заплакать и тянула отца за рукав.

Почти все посетители ушли. Только маленькая чёрная больная в каком-то забвении держала в объятиях девочку. Женщина, которая её привела, шёпотом, пугливо оглядываясь, говорила: «Пора. Все ушли... Галина Григорьевна... Проститесь и пора... Иди, Галечка... Уж все ушли...»

– Пора расходиться родным, – проговорила вошедшая сестра милосердия.

– Прощай, моё сокровище! Помни меня... Галечка, дитя моё! – прошептала больная и, сдерживая себя, вся трясаясь, боясь выдать горе, стала крестить и целовать свою девочку. Девочка залилась горькими слезами.

– Довольно, довольно! Не расстраивайте себя и вашу малютку. Девочка скоро к вам придёт. Твоей маме будет лучше, крошка... Она скоро поправится, – успокаивала сестра больную и девочку. Она взяла её за руку, кивнула молчаливой женщине, и все двинулись к дверям.

Вдруг девочка вырвалась из рук сестры и с воплем опять бросилась к матери: «Мамуся моя... Мамуся... Пойдём домой... Скучно без тебя!..»

Девочку увели. Больная бессильно опустилась на подушку и закрыла глаза; по щекам её, как крупные жемчужины,

скатывались слёзы.

Больные шептались между собой, смотрели на эту сцену.

– Как они прощались-то, точно навеки расставались, – горестно сказала старушка девочке.

Женщина с обвязанной головой даже осудила больную:
«И чего девчонку-то она так мутит!»

– Видно, что молода, глупа, – ответила её соседка.

А Прасковья Ивановна смотрела на свою соседку с глубоким сочувствием, вздыхала и плакала и порывалась с ней заговорить, но та не открыла глаз.

Честное слово

Была ночь. В палате № 10 горел в углу на столе ночник. Было темно, тихо. Больные все спали: кто храпел, кто стонал, кто разговаривал во сне. Не спалось почему-то Прасковье Ивановне. Думала о своих делах, о своей девочке и вспоминала сегодняшний день, приём, свою соседку и никак не могла заснуть.

Вдруг она услышала рядом вздохи, видит, соседка тоже не спит, вздыхает и крестится порывисто и скоро... Потом повернулась; из её больших чёрных глаз неудержимо текли слёзы... Она не всхлипывала, не рыдала... Но всё её лицо было залито слезами: это были слёзы тяжкого, тайного горя, с которым боролась одинокая душа. Больная, вероятно, почувствовала на себе устремлённый, пристальный взгляд, приподнялась и увидела, что соседка смотрит на неё участливо и хочет что-то сказать... Но та не успела ничего сказать... Маленькая, худенькая, чёрненькая фигурка соскользнула на пол, упала на колени перед постелью незнакомой женщины, стала ловить и целовать её руки и, тихо плача, говорила: «Умоляю вас, умоляю вас... У меня никого нет... Не оставьте её!»

– Милая, что это вы! Успокойтесь... барышня, то бишь, барыня... Да успокойтесь же, – твердила испуганно женщина, приподнявшись и стараясь поднять больную.

– Нет, голубушка, дайте мне честное слово... что вы не оставите её! У неё никого нет...

Маленькая женщина припадала с горячими поцелуями к рукам, к ногам незнакомой женщины и обливала их слезами.

– Господи! Успокойтесь, милая! Что вы это? Зачем руки мне целуете? Ведь я простая женщина... прачка... Встаньте скорее... Вам вредно так беспокоиться....

– Нет... ведь всё равно, простая ли, благородная ли женщина! Главное, человеческая душа... Ваша душа в глазах, в добром голосе... Вы мать...

– Ох, голубушка, что вы! Встаньте... Тише... Больных разбудите, – волновалась Прасковья Ивановна, стараясь поднять соседку.

Маленькая фигурка, такая жалкая, беспомощная, снова ловила её руки, целовала и старалась всё высказать.

– Во всю жизнь я не знала счастья. Я-то уж всё равно... Девочка моя обижена. Девочку жаль... Я умру... Она останется совсем одна... Свет большой, холодный... Никто её не приласкает, не научит. Все будут гнать, обижать, осуждать... осуждать... А она одна... Заступиться некому. Поймите – я умру и она одна-одинёшенька.

– Голубушка, вы так и не думайте и себя не мучьте! Зачем вам умирать... Вы ещё молодая. И дочку свою вырастите. И свет не без добрых людей. Знаете пословицу: «За сиротою и Бог с калитою».

– Нет... Я чувствую... я умру... А Галечка моя останется

одна у чужих людей... У неё никого нет.

– Барыня, милая, вы напрасно себя так тревожите... Лягте, пожалуйста, на кровать. Придёт доктор или сестра, рассердятся. Перед операцией надо быть спокойной. Не тревожьте себя.

Маленькая женщина встала, присела на кровать своей соседки, охватила её за шею и припала к ней на грудь головой. Та стала гладить её по чёрным курчавым волосам, как малого ребёнка.

– Вы – мать. Вы меня понимаете, как я страдаю за Галечку... У вас такие добрые-добрые глаза... Я знаю, вы хорошая и честная, – шептала она.

– Ох, милая вы моя... Что вы меня расхваливаете! Простая я, прачка... Дитя вы малое! Жаль мне вас! Ишь, какая худенькая... Сами-то вы, что ребёнок маленький...

И полная женщина ласкала и гладила незнакомую больную, и сердце её отогревалось.

Курчавая барыня сказала, что она малороссиянка, зовут её Галина Григорьевна, фамилия Даниленко, что приехала она с дочерью издалека лечиться и сделать операцию, что она рассчитывала тут найти родственников, но они, оказалось, куда-то уехали. И она очутилась одна с девочкой в комнате, без друзей и родных.

Маленькая женщина опять упала на колени и молила горячо и жалобно:

– Голубушка, родная, когда я умру, возьмите мою девочку

к себе... Не покидайте её... У вас есть душа...

Вы мать... Безысходное горе матери вас просит...

– Встаньте, милая... Услышат, придут... Больных разбудите...

Прачка поднялась с кровати и хотела поднять маленькую фигурку. Но та целовала её ноги и руки и снова молила и заклинала:

– Если я умру, не покидайте Галю... Дайте мне честное слово матери!

– Да что это вы, милая! Может, я раньше вас умру. Вы молодая....

– Нет, дайте мне честное-честное слово!

– Да полно вам... Господь с вами...

– Успокойте меня! Утешьте! Я буду на том свете молиться за вас.

– Ну, если вас успокоит, даю вам честное слово, что не брошу вашу девочку... Не бросьте и вы мою, если я умру.

– Даю вам честное слово, – горячо сказала Галина Григорьевна, приподымаясь... – Я найду способы ей помочь, приласкать, научить... Ваша девочка не будет одна... У неё будет друг на всю жизнь... Я слабая, но я найду силы для неё, если я вас переживу!

– Ну, и спасибо, родная. Лягте теперь. Успокойтесь! И я вам даю слово в том же!

Маленькая женщина поднялась, обняла прачку и снова целовала её, её руки. Та ласкала и гладила курчавую голову,

как у малого дитяти. И в душе её поднималось что-то тёплое, нежное, и мысленно она давала в своём сердце этой несчастной, страдающей матери слово не бросить её одинокое дитя, если она умрёт.

– Какие у вас глаза... Правдивые, добрые... Я вам верю, – проговорила вдруг курчавая больная и улыбнулась. Это была её единственная улыбка за всё время, что она была в больнице.

– Ну и хорошо, милая. Вы теперь успокоились... Ложитесь же скорее.

Больная легла. Старуха закашляла. Вдали кто-то застонал. Вошла дежурная сестра милосердия, осмотрела, всё ли в порядке, и вышла.

Всё смолкло в палате.

– Теперь у меня на душе спокойно... Вы дали мне честное слово... Легче мне, – проговорил в тишине прерывающийся, дрожащий голос.

– Спи спокойно, милушка... Не тревожьте себя... – ответил ей ласковый взглас.

Опять всё смолкло. Наступила тишина.

Две жизни

На другой день прачке Прасковье Ивановне сделали операцию. Сильная, цветущая женщина перенесла её превосходно. Даже хлороформ на неё не оказал никакого тяжёлого действия.

Когда Прасковья Ивановна открыла глаза и пришла в себя, она лежала уже в своей палате, около неё стояла сестра милосердия.

– Скоро ли, сестрица, меня резать-то станут, – спросила она, не сознавая ещё действительности.

– Операция сделана, и всё уже кончено, – ответила, улыбаясь, сестра.

– Ой, да нет! Шутите вы, сестрица! Да когда же? Я ничего не слышала, ничего не помню... неужели?

– Правда, правда, голубушка! Всё прошло отлично. И вы молодцом, – подтвердили со всех сторон больные.

– Ну, слава Богу, коли так... Пить дайте... Во рту сохнет... Вкус сладкий такой... Дайте пить! – попросила Прасковья Ивановна.

– Это от хлороформа рот сохнет... А пить теперь пока нельзя. Уж потерпите, дорогая... Льду кусочек возьмите, – сказала сестра.

– И как это всё случилось?! Заснула я и ничего не чувствовала. Сначала казалось мне, что меня подбрасывают, уносят

куда-то. И уже не помню ничего. Право, не страшно нисколько, – рассказывала Прасковья Ивановна больным и, главным образом, обращаясь к своей чёрненькой соседке. Та смотрела на неё ласково своими большими грустными глазами.

– Как я рада за вас... Я всё думала о вас. Как-то вы? И всё молилась... – тихо сказала она.

– Спасибо. Пустое эта операция... Ничего не слышно и не мучительно.

– Да, пустое дело здоровой, как ты... А вот моё грешное тело и посейчас ноет, – отозвалась старушка.

– Нет, тётушка, что ни говорите, а благодетельное дело этот сам «дух»-то, как его там зовут, – писклявым голосом заговорила женщина, похожая на монашку.

– Хлороформ его зовут, – сказала девочка.

– Ну, вот он, он самый и есть... Понюхаешь его... И хошь голову отрежь, не услышишь.

Больные рассмеялись.

– Это ты верно, тётушка, сказала. Коли голову отрежут – ничего не услышишь.

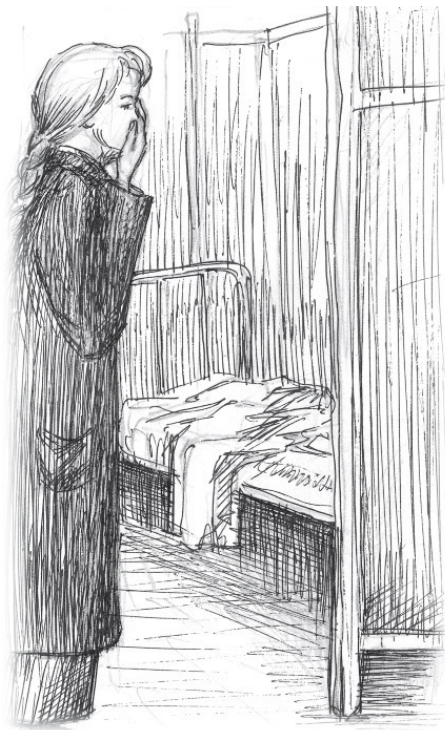
Кудрявая больная не спускала глаз с прачки. Та взглядывала на неё и улыбалась.

– Легко... Ничего... Операция-то... не тревожьтесь, милушка... Я себя совсем здоровой чувствую. Точно ничего и не делали со мной. Право... Так-то и вы... Всё будет хорошо.

– Я рада за вас, рада за вашу дочку. Скоро вы поправитесь, встанете, уедете домой, – тихо отвечала ей соседка, глядя на

неё пытливыми и благодарными глазами.

Прачку навестили муж и свекровь. Она была очень весела, разговорчива, вспоминала свою Параню. Но много говорить ей после операции не позволили, а потому родные её скоро ушли домой. Все они были так довольны, так счастливы.

Через день делали операцию чёрненькой кудрявой Галине Григорьевне Даниленко. Перед уходом в операционную комнату, она бросилась к прачке, обняла её, целовала ей руки, что-то долго шептала. И сквозь шёпот её несколько раз прорывались слова: «Честное слово... да... честное слово?!» Прачка благословила её, как мать дитя, и успокоительно серьёзно сказала: «Да, да, честное слово! Я уже обещала. Будьте спокойны!»

Операция прошла благополучно. Но нервная, исстрадавшаяся женщина была очень слаба. Хлороформ переносила мучительно. Больные с жалостью смотрели на неё и слушали её тихие, жалобные стоны.

Она всё слабела. Сиделка и сестра от неё не отходили. Через день её загородили ширмами... Все больные поняли, что это значит. Стихли разговоры, шутки, смех. Было всем тяжело и грустно. Прасковья Ивановна даже плакала. Скоро её соседку унесли... Прачка стала креститься.

С ужасом, недоумением смотрела прачка Прасковья Ивановна на опустевшую кровать. Разнородные, непонятные чувства волновали её: она связана с той, которую унесли. Она была близка ей... Теперь Прасковья Ивановна должна что-то сделать, предпринять... Она, простая женщина, должна сдержать слово, сделать честное дело, принять долг обещания. «Лучше уж притаиться, молчать... Зачем себя связывать? Никто ничего не знает и не узнает... Зачем брать обузу?» – мелькали мысли в голове Прасковьи Ивановны. А

голос совести и сердца говорил другое и мучил и оспаривал: «А честное слово? А мольбы и слезы матери? А одиночество и горькое сиротство? Что же теперь делать, и как быть?» Вспоминалась ночная сцена. Маленькая слабая фигурка на коленях у кровати... Чёрные глаза, полные ужаса и слёз. И слова: «Моя девочка, моя одинокая девочка... Дайте честное слово!»

Ещё одна жизнь улетела в вечность. Галина Григорьевна унесла с собой и свою тайну, и своё горе, и любовь к ребёнку.

Прасковья Ивановна боролась недолго. Когда она услышала за дверьми горький плач ребёнка, она попросила сиделку привести рыдавшую чёрненькую девочку. Она обняла её и ласкала.

– Я тебя не брошу. Я буду тебе вместо мамы. Я тебя возьму, – говорила она. – Подержите, милая, пока я не выпишусь из больницы. Я её возьму к себе вместо дочки. Я обещала ейной¹ матери. И моё слово твёрдое, – сказала она женщине, которая привела ребёнка.

– Ах, как я рада... Уж не знала, куда девочку девать... – отвечала она.

Все больные очень удивлялись и хвалили Прасковью Ивановну за её доброе сердце, за то, что она хочет приютить сиротку.

¹ ейной (прост.) – её.

Прачечная Новиковой

Прачечное заведение цеховой прачки Прасковьи Ивановны Новиковой находилось на одной из самых шумных улиц Петербурга. Оно помещалось в подвале большого пятиэтажного дома. Пять окон выходило на улицу. Здесь, у этих окон, постоянно гладили прачки в белых передниках. Ловко скользили проворные руки с утюгами по сырому полотну, коленкору, батисту. Эти руки подымали горы кружев и воланов. От белья шёл лёгкий пар. Прачки гладили и часто пели песни. Как будто бы им за работой жилось весело и хорошо. Да и действительно в этой мастерской жилось недурно.

– Я бы ушла. Меня давно в еврейскую прачечную сманивают и жалованье больше дают. Да хозяйку жаль, – говорила Настя, лучшая мастерица, стоявшая исключительно на крахмальных сорочках.

– Правда, наша хозяйка хорошая, справедливая. И харчи сытны, – вторили и другие мастерицы.

Такая слава шла о мастерской Прасковьи Ивановны и о ней самой.

Среди прачечных заведений это было редкостью, так как все работницы были недовольны хозяевами. Да и действительно труд всех работниц тяжёл. У Новиковой прачки жили подолгу, и попасть в её мастерскую было нелегко. Но, конечно, не только сытные харчи привлекали и привязывали к

ней мастериц, – в груди простой, необразованной женщины билось отзывчивое сердце. Прогуляет ли поденщица день – Прасковья Ивановна пожурит своим мягким голосом и простит... Иногда втихомолку сунет какую копейку, чтобы домашние не видели.

– Поди, всё прогуляла, и есть дочке нечего... Стыдись, Груша... Ребят жалея. В другой раз не возьму, коли так станешь поступать, – укоряет Прасковья Ивановна загулявшую прачку.

И Груше совестно и перед дочкой, и перед хозяйкой. Ласковые слова глубже доходят до сердца, чем брань да попреки, да крики.

Заболает ли подёнщица – Прасковья Ивановна, как мать, пожалеет, первая поможет и опять сумеет немного денег дать потихоньку от свекрови.

Размолвки, ссоры и брань между прачками умела как-то рассудить и разобрать одним словом, и ей удавалось их примирить, успокоить. Но чаще всего ей приходилось разбирать ссоры прачек со своей свекровью, женщиной очень сварливой. Свекровь жила вместе с ними и хозяйничала, т. е. ходила за провизией, стряпала и наблюдала за домом. Жила семья так, как живут семьи зажиточных рабочих. Квартира их состояла из трёх комнат и кухни. За двумя большими комнатами, в которых гладили прачки, находилась ещё одна небольшая, хозяйская. В хозяйской комнате стояла огромная деревянная кровать с грудой подушек, с ситцевым оде-

ялом, составленным из цветных лоскутков. Большой комод был покрыт вязаной скатертью, на нём стоял туалет, а на туалете стеклянные подсвечники и множество чашек больших и маленьких, золочёных, с яркими узорами и с надписями: «Дарю в день ангела», «Пей другую», «Христос воскрес» и т. п. Кроме того, тут стоял ситцевый красный диван, несколько столов и большой сундук, покрытый ковром. Один угол сплошь занимали огромные раззолочённые киоты с иконами. Перед ними теплились три лампадки и была заткнута старая верба. Стены были увешаны царскими портретами, лубочными картинками и фотографическими карточками. На диване, на стульях, на полу чаще всего лежало бельё чистое и грязное, валялись детские игрушки.

Эта единственная комната была и спальней, и столовой, и залой для хозяев. Только бабушка, как её все называли, или мать хозяина, помещалась в кухне. Оттуда целые дни нёсся её громкий, сердитый голос: она всегда с кем-нибудь ссорилась, на кого-то кричала. Старуха была неуживчивая и сварливая. Единственным существом, которое имело на неё влияние, которое она баловала, была внучка Параня. Да и ту, любя, она нередко дёргала за волосы, за уши или шлепала. Тихая и кроткая мать всегда вступалась за неё:

– Не бейте вы её, маменька, ну, чего, право. Не стыдно ли вам! Разум её забьёте!

– Нельзя не поучить... И нас всех так учили... Да худыми не вышли.

Прасковья Ивановна жила с мужем дружно и согласно. Муж её, Иван Петрович, был тихий, неразговорчивый, безвольный человек. Он во всём слушался жену и боялся мать. Вся работа его состояла в том, что он помогал в прачечной мастерской: носил дрова, приготавливал воду, кроме того, разносил бельё заказчикам. Очень часто он строгал Паране какие-то колясочки и ходил с ней гулять.

– У меня муж тихий, хороший... Всё равно, что и не мужик, а ровно баба... – говорила Прасковья Ивановна, когда хотела приятельницам похвалить своего мужа.

Иногда Иван Петрович запивал; тогда он бормотал что-то несвязное, становился ещё тише и ложился спать.

Семья изо дня в день жила в непрерывной работе. Все интересы, разговоры вертелись около стирки, заказов, белья, прачек. Прасковья Ивановна распорядилась умело, спокойно, справедливо, как настоящий командир. Только со сварливой свекровью у неё выходили размолвки и, в конце концов, свекровь во всём уступала хозяйке.

Среди этой будничной жизни мастеровых одна Параня вносила живую струю детского смеха, шалостей, болтовни, капризов. Живая, здоровая девочка выносила стойко и сырую атмосферу прачечной, и пар от белья и носилась, как ураган, по подвалу. Ей, как дочери хозяйки, жилось хорошо: прачки её ласкали и баловали, а мать и отец души не слышали.

– Паранька, ты у нас прачкой будешь, – говорила, заигры-

вая с ней, бабушка.

– Кем же ей иначе-то быть? Вот я её обучу малость, да и сдам ей прачечное заведение. Хозяйкой будешь, – говорила мать.

– Я не хочу быть прачкой... Я хочу быть барыней, – говорила девочка.

– Где тебе, курносая, быть барыней. Держи свою линию... Дело хорошее, прибыльное, – возражал отец.

– Нет, я хочу в карете, как барыня, ездить.

– Ишь ты, чего захотела! – смеялись родители. – Хорошо и на своих на двоих ходить.

В 12 часов дня вся семья обедала в кухне за общим столом с прачками. И тут Параня всех веселила, всех забавляла. Ей шли лучшие кусочки, ласки и улыбки.

И вдруг однажды в этой-то семье, среди груды белья, прачек в мастерской появилась маленькая чёрненькая девочка, нежданная и нежеланная, всем чужая.

Чужая

С тех пор, как в прачечной Прасковьи Ивановны появилась маленькая чёрненькая девочка, в семье Новиковых будто поселилось что-то тяжёлое, тоскливое и начался разлад.

Когда Прасковья Ивановна, вернувшись из больницы, заявила своим домашним, что она хочет взять на воспитание девочку, дома поднялась целая буря. Больше всех сердилась, кричала и выходила из себя бабушка:

– С чего это ты, матушка, такую обузу выдумала? Да есть ли у тебя понятие?! И как это тебе в голову пришло?! Чтобы взять чужого ребёнка... Или у тебя о своей дочери забот мало? Или у тебя лишние деньги есть?

– Поймите, маменька, – оправдывалась Прасковья Ивановна, – ведь я ейной матери перед смертью честное слово дала, что девочку не покину. Я должна честное слово сдержать...

– Ну, мало ли что там в иную минуту скажется... Ты поди, покайся священнику. Он разрешит твоё слово...

– Не может батюшка разрешить от честного слова... И душа моя замучится. Потому что человек должен честное слово, как клятву, соблюдать!..

– И не выдумывай ты, Прасковья... И не связывай себя. Отдай девочку в полицию, а там уже её пристроят...

– Ни за что, ни за что, – горячо возразила Прасковья Ива-

новна. – Это уж вы оставьте! Девочку я возьму к себе и никого не послушаю... Я ейной матери честное слово дала... Клятвенно обещала...

– Ну, муж с тобой поговорит... Он всё-таки в семье голова... Не позволит он. Ты должна мужа слушать!

И бабушка стала наговаривать Ивану Петровичу.

Тихий и молчаливый Иван Петрович тоже стал убеждать и отговаривать жену.

– И чего, право, Паша, ты хочешь чужого ребёнка взять? Средства наши небольшие... Бьёмся-бьёмся в работе, а себе лишку позволить ничего не можем... Да ещё на чужую девочку работать... Вот невидаль!

– Эх, Ваня, прост ты, голубчик, а жизни не знаешь... Что тебе маменька скажет, то и повторяешь...

– Маменька нам добра желает, Паша, – перебил Иван Петрович жену. – Она наши гроши бережёт и нас жалеет...

– Нечего жалеть... А жить так, чтобы ни о ком, кроме себя, не подумать, ничего для другого не сделать, это грешно. Знаешь русскую поговорку: не строй семь церквей, а пристрой сироту. Нас за сироту Бог взыщет. Так-то, Ваня... Будем жить своим умом, а не маменькиным... Мать-то девочки, умирая, передо мною на коленях стояла, руки мои целовала... И ты меня не отговаривай... Всё равно я девочку возьму. Я клятву дала.

– Ну, что ж, что дала. Маменька говорит, что батюшка простит твою клятву...

Прасковья Ивановна даже рассердилась:

– Неправильно вы говорите: и ты и твоя маменька. Не может священник клятву нарушить... Это я буду себя обманывать... Дороже всего перед совестью правой быть.

– Так-то так, Паша... Да всё-таки не спросила ты ни меня,

ни маменьку... И всем обузу на шею навязать хочешь. Это нехорошо.

– Обуза эта моя... И я её понесу. Когда же и спрашивать вас было, если человек умирал...

Ни свекровь, ни муж не могли понять и оценить поступка Прасковьи Ивановны. Это были ограниченные, узкие люди, жившие только для себя...

Параня, наученная бабушкой, тоже была недовольна и часто говорила:

– Мама, ты не бери чужую девчонку... Я её не стану любить... И игрушек ей моих не дам.

– Стыдно, нехорошо, Параня, так говорить. Бог велел людей любить, а тем более жалеть сирот... У Галечки нет мамы, и её некому приголубить... Она хорошая девочка и будет с тобой играть, и будет тебе веселье... – уговаривала дочку Прасковья Ивановна.

– Нет, она нехорошая... И я не хочу с ней играть... – упрямо отвечала девочка.

– Не смей так говорить! За что ты хочешь обидеть сиротку? Грешно. Я тебя любить не стану.

Избалованная девочка, нахмурившись, всхлипывала и бежала утешаться к бабушке. А та раздражённо говорила:

– Вот, ещё нет в доме чужой девчонки, а уже тебе из-за неё достаётся... Подожди, то ли ещё будет!

Даже одна из старых прачек, долго живших в прачечной Новиковой, решилась заговорить с хозяйкой:

– И зачем вы, право, хозяйюшка, сами себе хотите на шею петлю затянуть? Не маялись вы с чужим ребёнком, так и не знаете, каково это? Видно, не горевали горя! Станете вы работать на чужую девочку, она вас и слушать не станет и грубостей наговорит, благодарности не ждите!

– Эх, Власьевна, а сама-то ты что делаешь? Уж лучше молчи... Поступаю я по честному слову, по совести. Знаешь, бабонька, ведь Сам Бог сказал: «Кто сироту призрит, Меня примет».

Власьевна смутилась. У этой старухи тоже в углу вечно жили какие-то сироты, оборванцы, бездомные, которых она пригревала и отдавала на них все свои трудовые гроши.

– Простите моё простое слово, хозяйюшка, я знаю, какова она, жизнь-то... оттого и вас предостерегаю. Я вас жалею: вечно вы в работе, часто хвораете.

– Не жалею меня, Власьевна, я поступаю по Божьему внушению, – серьёзно и твёрдо сказала хозяйка.

Несмотря на уговоры, споры, ссоры, даже угрозы, одним ранним утром маленькая чёрненькая девочка появилась в квартире прачки Новиковой.

Эту девочку все встретили враждебно, неприязненно. Одна Прасковья Ивановна старалась её ободрить, ласкала её и уговаривала дочь:

– Параня, поиграй с Галечкой. Дай ей какую ни есть игрушечку... А я тебе ещё куплю...

– Не хочу с ней играть! – насупившись отвечала малень-

кая хозяйка.

– Ну, и недобрая девочка! Не буду любить тебя! – сказала мать.

Параша громко заплакала. Бабушка выглянула из кухни и язвительно проговорила:

– Уже началось... Иди сюда, Паранька, тебе из-за чужой девчонки житья не будет.

Галя смотрела на всех грустными большими глазами, так напомиравшими Прасковье Ивановне глаза её матери.

Галя была тихая, запуганная, как зверёк, девочка. Она пряталась по углам, и никто не слышал её голоса, никто не видел на её лице улыбки.

Бабушка её не выносила: где бы ей не попадалась девочка, она непременно её или толкнёт, или ударит...

Прасковья Ивановна всегда горячо вступалась:

– Маменька, ради Бога, не трогайте Галечку. Вы не имеете права трогать чужого ребёнка!

– Что же, прикажешь с ней нежничать, как с принцессой! Уже и поучить не смей! Да я и свою Параньку учу уму-разуму...

– Нечего учить колотушками... И она ничего дурного не делает.

– Незачем было брать какую-то жидовку, – сердилась старуха.

– И жидовка человек, маменька... Жалко и жидовку. А только Галечка вовсе не жидовка, а малоросска и одной веры

с нами.

Старуха никак не могла угомониться и придумывала новые обвинения:

– Ты, Прасковья, большой грех на душу берёшь и свою дочку из-за чужой девчонки забываешь...

Прасковья Ивановна, сердито махнув рукой, уходила в другую комнату. С каждым днём ей становилась тяжёлее, и она часто думала, что, действительно, взяла на себя обузу не по силам. Параня, научаемая бабушкой, ревновала мать к приёмышу и плакала, если та ласкала её или даже разговаривала с ней. Старуха толкала, щипала, бранила девочку на каждом шагу.

Когда вся семья с прачками садилась обедать в кухне, то бабушка, бывшая тут хозяйкой, старалась всячески обделить Галю: она подкладывала ей засохшие куски хлеба, пустые кости вместо мяса, и только немая борьба с Прасковьей Ивановной, которая тотчас же это замечала и от себя уделяла всего девочке, спасала её от голода.

Иван Петрович относился к воспитаннице сдержанно и презрительно, никогда не говорил с ней ни слова, не обращал на неё внимания, только когда жена ссорилась из-за девочки с матерью, всегда становился на сторону матери и недовольным шёпотом говорил:

– Незачем было брать чужую девочку... Сколько из-за неё в доме неприятностей...

– Оставь хоть ты-то её в покое... Она никому не делает

зла, – кротко возражала мужу Прасковья Ивановна.

Галя всё переносила молча. Она никому не жаловалась, но по ночам много и горько плакала. Что происходило в одинокой детской душе, о чём думала сиротка, чего она хотела, о чём грустила – никто не знал.

Только одна Прасковья Ивановна в редкие минуты, когда никто не видал, обнимала девочку, прижимала к себе и, лаская, говорила:

– Терпи, моя сиротиночка. Я никогда не оставлю, не покину тебя... Потому что я дала твоей маме честное слово... Эх ты, дитяtko моё горемычное.

Светлая радость вспыхивала в глазах малютки, она прижималась к Прасковье Ивановне и, задыхаясь, говорила: «Тётя, тётя». Что она хотела излить в этом возгласе, она не умела передать словами. Но, конечно, она понимала и благодарила эту простую, добрую женщину.

Но лишь только они слышала чьи-нибудь шаги, то Прасковья Ивановна тотчас же отходила от девочки и та понимала, что тётя не смеет ласкать и любить её, Галю, что на неё за это все сердятся и бранят и что она, Галя, не должна ласкаться к тёте. А между тем детское сердце так жаждало любви и ласки. Без них ребёнку живётся темно и холодно, как без солнышка.

Бабушка и внучка

Однажды Прасковья Ивановна, случайно заглянув в свою комнату, увидела, что Параня и Галя сидят на полу друг против друга и застенчиво посматривают одна на другую. Около Парани лежали игрушки: посуда, коробочки, тряпки, а в руках она держала куклу с оторванной ногой и с облезлой головой.

Галя сидела насупившись и исподлобья посматривала то на детские богатства, лежавшие на полу, то на хозяйку, обладательницу этих сокровищ.

Параня улыбнулась и сказала:

– Возьми, девочка, эту куклу. Одень вот в капотик... Будем вместе играть... Ты будешь нянька, а я барыня... Мы пойдём гулять в Пушкинский сквер? Хорошо? Да?

Румяное, полное личико Парани расплылось в улыбку.

– Бабушка твоя рассердится, – тихо отвечала Галя.

– Ничего... Она не увидит... Возьми скорее куклу, – сказала Параня.

Товарка её взяла и удивилась.

– Она без ноги... Ей больно? Наверно, ей твоя бабушка оборвала?

– Нет. Нога сама оторвалась, – ответила серьёзно маленькая хозяйка.

Прасковья Ивановна, стоя за дверью, не могла глаз ото-

рвать от этой милой сцены. Она и смеялась и плакала. Ей хотелось подойти к детям, приласкать их, похвалить... прижать крепко к груди свою добрую девочку. Она думала, что в детском сердце нет места вражде и злобе, если их не внушают старшие, что ребёнок всегда рвётся к другому ребёнку, чтобы вместе играть, болтать и делиться своими детскими горестями и радостями.

– Одень, девочка, кукле капот, а на голову повяжи платок, – повторила Параня и передала куклу подруге.

– Я одела... Так? – серьёзно спросила Галя.

– Теперь покачай её. Спой песенку.

– Покачать? – удивилась чёрненькая девочка. – Я петь не умею, – прибавила она и съёжилась.

– Ты не так держишь ребёнка... Возьми крепко-крепко. Какая же ты нянька, если ребёнка не умеешь держать?

– Так? – девочка прижала к себе куклу и баюкала её.

Она улыбнулась и вытаращила чёрные глазки, посматривая на своего ребёнка.

Параня рассмеялась звонко и весело и сквозь прерывистый смех повторяла:

– Какая ты смешная! Ах, какая ты смешная! Ты смотришь вот как... Во-о-от как! – и она передразнила подругу, пресуморительно вытаращив, как и она, глаза.

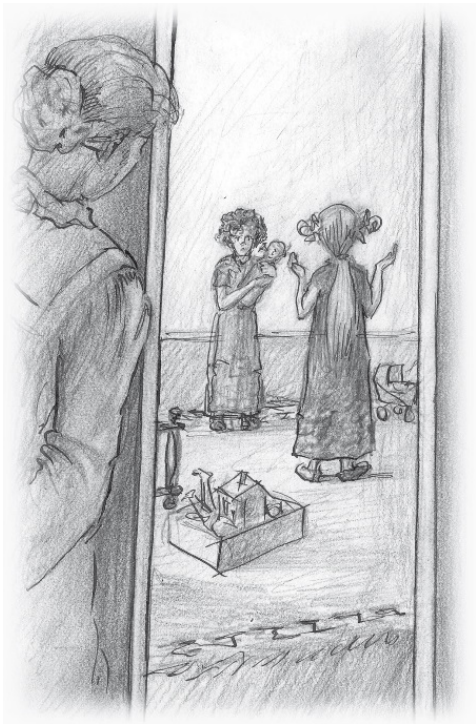
Галя тоже рассмеялась. Её тихий смех был скорее похож на какой-то плач.

– Теперь поцелуй куклу... Какая же ты нянька, если ре-

бёнка не целуешь? – сказала опять Параня.

Галечка беспрекословно исполнила приказание своей бабыни и поцеловала куклу в самый рот, побелевший от времени.

– И я тоже... – сказала Параня, потянулась, поцеловала куклу, затем подумала, потом обняла за шею пухлыми ручками няньку и тоже звонко поцеловала ее в худенькую щёку...

Галя сконфузилась и нагнула голову.

– Ты любишь куколку? Любишь? – спрашивала хозяйка и, приблизив лицо к подруге, лукаво заглядывала ей в глаза.

Так милы и привлекательны были эти девочки: беленькая и чёрненькая. Глядя на них, у Прасковьи Ивановны сердце замирало от радости.

«Дети будут жить дружно... Сиротка вырастет вместе с

Парашей... Она выучит их. И не даст никому в обиду Галечку...»

Между тем Параня властно командовала своей новой нянькой и та беспрекословно слушалась её во всём. Ребёнка-куклу – пришлось не только одеть, укачать, уложить, но надо было и забавлять её и кормить.

– Возьми эту чашечку... Я налью тебе молока... Ш – ш-ш-ш! Вот и налила! Дай попить ребёнку, а потом свари кашку...

Воображаемое молоко, налитое из пустой бутылки, было передано няньке. Она только что собралась кормить ребёнка.

В это мгновение дверь в кухню распахнулась и бабушка со злым лицом влетела в комнату и бросилась к детям: она рванула Галю за руку и выхватила у неё куклу.

– Как смела ты взять Паранины игрушки? Как смеешь ты вольничать здесь, скверная девчонка?

И, прежде чем кто-либо успел опомниться, старуха вцепилась в курчавые волосы девочки и оттрепала её...

Параня и Галя громко заплакали.

Прасковья Ивановна выбежала из-за двери и закричала:

– Маменька, маменька, Бога вы не боитесь! Что вы делаете? Оставьте! Не трогайте!

Она отняла Галю, прижала к себе и ласкала.

– Пусть не задевает Параньку! Житья от неё никому нет... Чуть отвернёшься – сейчас игрушки от Параньки отнимает, – сердито ворчала старуха.

– Неправда. Ничего не отнимала она! Играли дети дружно, хорошо... Я из-за двери любовалась, радовалась... А вы детей расстраиваете, ссорите... Грешно это, маменька! – говорила Прасковья Ивановна расстроенным, огорчённым тоном.

– Ну, вот, теперь я вышла виновата? Что девчонка не делает, ты на других сваливаешь...

– Да, да, вы виноваты! Вы чужого ребёнка обижаете! Нет у вас на это права, и я не позволю вам! Кабы не вы, дети бы жили дружно и росли бы вместе... Я ейной матери честное слово дала... – со слезами в голосе говорила Прасковья Ивановна.

Старуха пошла из комнаты и всё время бранилась:

– Теперь все виноваты из-за девчонки. Останется одно, матушка, всем уйти из дома. Гони уж и мужа, и мать, да, пожалуй, и дочку... Пусть твоя названная дочка Галечка вместо всех тебе остаётся...

Прасковья Ивановна стояла молча около детей, смотрела на них и думала горькую думу: «Чем всё это кончится, что ей делать, как быть и как поступить».

Параня перестала плакать и занялась своими куклами, а Галя, перепуганная, точно застыла в уголке, куда она убежала от старухи, и на её больших глазах блестели слёзы.

Непримиримая

Однажды Прасковья Ивановна долго была в отлучке, она относила бельё. Вернувшись, она нашла дома зловещее затишье, все молчали, все были смущены... Прасковья Ивановна почувствовала что-то неладное.

– Где Галечка? – тревожно спросила она бабушку.

– Расшиблась об дверь... – отрывисто отвечала она и отвернулась.

– А Параня где?

– Где ей быть... Играет у меня в кухне.

– Как же Галечка ушиблась?

– Почём я знаю... Не нянька я вашей Галечке.

В страхе бросилась Прасковья Ивановна в свою комнату. Там на обычном месте, на сундуке, вся обвязанная, с расшибленным лицом лежала Галя. Увидев Прасковью Ивановну, она горько заплакала.

– Что ты это, Галечка? Как же ты ушиблась? Что тут случилось?

Прасковья Ивановна присела на пол и погладила девочку.

– Где ты ушиблась? Больно тебе?

Девочка ничего не ответила, прижалась к тётке и зарыдала ещё горьче. Прасковья Ивановна заботливо занялась больной: развязала разбитый лобик, обмыла, намазала и, лаская девочку, тихо приговаривала:

– Бедная ты моя сиротиночка... Горькая жизнь сиротская... Терпи, Галечка, мама на том свете за тебя молится.

Девочка смотрела на неё широко раскрытыми глазами и молчала. Прасковья Ивановна чувствовала во всём этом что-то недоброе. Под вечер всё выяснилось. Параня, несмотря на угрозы бабушки, проговорила по забывчивости.

– Галя-то не брала булки... Булка-то упала за сундук... – проговорила Параня, прыгая по комнате с куклой.

– Какой булки?

– А когда бабушка её об дверь ударила.

– Как бабушка ударила об дверь? – ужаснулась Прасковья Ивановна.

Параня вдруг вспомнила и спохватилась.

– Нет, не ударила... Она... Бабушка... Галя сама упала и разбилась, – растерянно твердила девочка, вся покраснев.

Мать строго посмотрела на неё и сказала:

– Параня, ты никогда не смей лгать... Это стыдно и грешно. Верно, ты меня не любишь, если обманываешь... И я не стану любить такую лгунью.

Девочка бросилась в колени матери и заплакала. Прасковья Ивановна не стала больше спрашивать: она поняла всё, что без неё произошло. Только свекрови своей она сказала резко и огорчённо:

– Грешно вам, маменька, обижать сироту. Бог видит и найдёт сиротские слёзы.

– Ах, уж ты, голубушка, оставь эту песню... Наслышались

мы... Покою от девчонки никому нет... – ответила, как всегда, старуха.

Прасковья Ивановна, уходя теперь из дому, стала брать с собою и Галю. Она боялась оставлять её со старухой, да и видела, что доброго из этого не будет. Прасковья Ивановна стала часто задумываться, стала печальной и рассеянной. Она иногда заговаривала со старой прачкой, как бы желая получить добрый совет и отвести душу.

– Знаешь, Матвеевна, я всё думаю, что, пожалуй, и напрасно взяла девочку...

– Конечно, напрасно, хозяйка... Такая вам обуза, тягота...

– Ведь я перед смертью её матери честное слово дала, что не брошу девочку, выращу и выучу.

– Ну, мало ли что в иную минуту скажется... Не всяко лько в строку... Бог простит.

– Эх, Матвеевна, а всё-таки жить надо честно. Бесчестному человеку и счастья не будет. А только я думаю, что Галечка-то живёт у нас ни себе ни нам в утешение.

– Коли такая судьба, так и от честного слова откажешься, – говорила старая прачка, качая головой.

– Сердце у меня так и болит, так и ноет. На душе так тяжело. А всё горе у нас не от девочки, а от маменьки. И чего она, право, такую ненависть к ребёнку имеет. Грешно ведь это. Девочка тихая, как голубка ласковая...

– Знаете, что я вам скажу, хозяйка. Маменька ваша человек старый. Она вас жалеет, ваше добро бережёт, за вас уби-

вається. Она видит, что девочка всем в тягость. Старух-то извинить надо. Послушайте вы старого человека, отдайте девочку куда ни на есть. Добро вы ей везде сделать можете... своему дому покой вернёте.

Прасковья Ивановна задумалась и ничего не отвечала. Эти разговоры и советы не давали её душе покоя. Все домашние были против неё, против её доброго дела. Даже её тихий муж часто сердился и выговаривал ей:

– Навязала ты, Паша, себе петлю на шею. Не спросила тогда ни меня, ни маменьки. Девчонка всем в доме в тягость.

Прасковья Ивановна даже сердилась и ссорилась с мужем, чего прежде никогда не бывало.

– Моя девчонка вас не объела, не обидела, её и не слышно в доме. Вы все её поедом едите, со свету сживаете. А её дело сиротское, заступиться некому.

– В семье так не живут, Паша... В семье всё бывает дружно да вместе. А у нас ссоры да обиды. Из-за кого? Из-за чужой девчонки, – возражал Иван Петрович.

Иногда Прасковья Ивановне казалось, что муж её прав, и ей становилось досадно, что чужая девочка внесла в её дружную, согласную семью ссоры да раздоры.

Нелады и несогласия отразились и на работе. Прасковья Ивановна сама реже заглядывала в прачечную. Прачки же без хозяйского глаза работали меньше и хуже. Многие заказчики оставались недовольны и заказов стало поступать меньше. Это послужило новым и очень крупным поводом для

ссор между Прасковьей Ивановной, свекровью и её мужем.

А маленькая девочка, из-за которой было столько горя и невзгод, совсем как улитка, спряталась в свою раковину. Она, казалось, всё понимала, всё сознавала, и её большие грустные глаза с ужасом и затаённой обидой смотрели на свет Божий. Что она сделала злого? За что её не любят? Чем она виновата, что так одинока в этом большом свете? И разве не должны люди помогать друг другу. Только иногда, взглядывая на тётю, как называла Галя Прасковью Ивановну, девочка тихо улыбалась, но эта улыбка походила на гримасы. Но за последнее время тётя бывала часто задумчива, огорчена, даже порою сердита. И маленькая одинокая девочка перестала улыбаться и переживала настоящее горе.

Один раз Прасковья Ивановна ушла, как и всегда, с Галей отнести бельё. Они долго пробыли в отлучке. Прасковья Ивановна вернулась домой одна, без девочки, красная, возбуждённая. Она прошла прямо на кухню, где обедали её свекровь, муж и все прачки, и проговорила не то насмешливо, не то сердито:

– Ну, радуйтесь... Не будет у нас в доме больше вашей мучительницы, вашей обидчицы. Галю я отдала одной барыне. Она её вместо дочери взяла. И воспитает её, как барышню, и всяким наукам обучит. Ей Галечка очень полюбилась. Барыня добрая, ласковая и богатая...

Прасковья Ивановна нервно рассмеялась и ушла. Она не стала обедать. Бабушка заговорила первая:

– Слава Богу! Наконец-то Бог её на ум навёл. Давно бы так-то о семье подумала. А то свою дочку из-за чужой забыла. Паранька точно у мачехи росла... – старуха просияла от радости.

Иван Петрович позвал жену обедать. Она пришла вся в слезах.

– Хорошо ты, Паша, сделала, что решилась отдать девочку. Сама увидишь, что всем лучше будет. И дело наше пойдёт лучше, право, – заметил Иван Петрович.

– Ишь, какое счастье вашей сироте привалило – богатая барыня, – заметила одна из прачек.

– А что же девочка-то плакала, как с вами расставалась? – спросила старая прачка.

– Чего ей плакать... Кажись не сладко жилось, – возразила Прасковья Ивановна серьёзно и села задумчиво за стол.

Она ответила так, чтобы сорвать своё сердце. Когда она отвезла Галечку в богатый дом, к красивой барыне и оставила её там среди золота и шёлка, они обе, прощаясь, горько плакали. Галя умоляла её:

– Тётя, возьми меня домой.

– Я скоро приду к тебе, Галечка, тебе хорошо тут будет. Никто не обидит тебя... – утешала её Прасковья Ивановна, а у самой на душе так было тяжёло, так тревожно, точно она совершила какое-то преступление.

Муки совести

Казалось, в семье Новиковых настало затишье. Бабушка не ворчала и всячески старалась угодить невестке. Иван Петрович был ласков с женой. Параня весело играла в доме и щебетала, как птичка. Прасковья Ивановна старалась забыть за работой, но работа у неё не ладилась. Она часто портила бельё, у неё выпадало всё из рук; как-то раз сожгла даже дорогую кофточку, чего с ней никогда не было. Она была всегда печальна и молчалива.

– А знаете ли, девушки, что-то не весела наша хозяйка.

– Да, работает, работает – дело не спорится. И похудела она, как будто спала с лица... Такая задумчивая, – говорили между собой прачки.

Старуха-прачка Матвеевна даже спросила как-то раз хозяйку:

– Что у вас, Прасковья Ивановна, теперь тишь да гладь, да Божья благодать?

– Да, тихо. Добрались они своего. Никто им не мешает, – вздохнув, ответила Прасковья Ивановна.

– Ну, а воспитанница-то ваша хорошо ли живёт в чужом месте?

– Ничего, хорошо. Она тихая, кроткая девочка... Конечно, скучает. Всё-таки привыкла ко мне и к Параше. Сердечко-то у неё благодарное, нежное.

– А всё-таки хорошо вы сделали, хозяйка, что её отдали. Против своих идти не след. Да и обузы теперь не знаете.

Казалось, в семье было тихо и мирно. Все были довольны. Только одна Прасковья Ивановна молчала и скрывала ото всех, какой её точил червяк. Он не давал ей ни минуты покою. Этим червяком была беспокойная совесть. Хозяйка старалась забыться в неустанной работе. Но червяк болезненно шевелился в её голове и добирался не раз до сердца; бедная женщина думала, думала без конца, и сердце её болело. Она звала Параню, шутила с нею, ласкала её, а червяк всё-таки не давал покою и терзал её душу. И ни уйти, ни спрятаться было от него некуда.

– Что это, Паша, ты как будто похудела, здорова ли ты? – тревожно спрашивал её муж.

– Здорова. Похудела от работы.

Свекровь тоже заметила, что невестка сама не своя.

– Точно кто сглазил нашу Прасковью. Ты бы велел ей к доктору сходить. Храни Бог, опять заболеет, – говорила она сыну.

Иван Петрович упрашивал жену посоветоваться с доктором. Та наотрез отказалась.

Между тем Прасковья Ивановна думала свою неотвязную думу. Она часто уходила из дому и навещала Галечку. Та всегда встречала и провожала её слезами.

Она видела Галю чистенькой, нарядной, но всегда грустной. Когда она пришла в первый раз в тот дом, куда она отдала девочку, её провели в детскую. Около Галечки сидела та барыня, француженка, которая взяла девочку на воспитание. Девочка была одета по моде в широком розовом платье, голенькие ножки и розовые туфли, большой кружевной воротник. Прасковье Ивановне она показалась смешной – до того она была не похожа на ту тихую девочку в красном капотике и козловых сапожках, которую Прасковья Ивановна оставила здесь. Девочка бросилась на шею к тётке и заплакала. У Прасковьи Ивановны сжалось болью сердце.

– Ну что, ты привыкла теперь, Галечка? Тебе хорошо? Барыня добрая и любит тебя. Гляди-ка, какая ты стала нарядная... точно барышня.

– Да, я-то её балую и наряжаю... А она, маленькая упрямец, ни за что не хочет меня мамой называть, – сказала нарядная барыня, похожая на куколку.

– Что же ты, Галечка, упрямисься. Отчего барыню мамой не назовёшь? Она тебя вместо матери родной растить будет... Ты должна её почитать.

Девочка ничего не ответила, но так серьёзно и строго взглянула на Прасковью Ивановну, что у той опять защемило сердце. В этом строгом взгляде выразался и упрёк, и тос-

ка по матери, и много недосказанного.

Когда Прасковья Ивановна стала уходить, Галя опять горько заплакала и стала проситься домой.

Через несколько дней новая воспитательница девочки сказала Прасковье Ивановне.

– Послушайте, милая, не навещайте девочку. А то она по вас скучает и так никогда ко мне не привыкнет.

Скрепя сердце, Прасковья Ивановна решила исполнить это требование. Действительно, девочка привыкнет к новой жизни, и ей будет хорошо. Но прачке была приятна и дорога эта привязанность маленькой девочки. Дома она ещё сильнее приналегла на работу и ещё чаще ласкала Параню. В семье было тихо, но на Прасковье Ивановне, как говорится, лица не было.

Наконец она не выдержала и решилась поговорить с мужем.

– Знаешь ли ты, Ваня, отчего я худею: совесть мучает меня, тоска гложет сердце. Я места не могу найти себе, – сказала она.

Иван Петрович испугался и удивился. Он уже забыл всё прошлое и спросил тревожно:

– Что с тобой, отчего это, Паша?

– Ваня, я всё её во сне вижу. Приходит она ко мне и укоряет меня.

– Кого ты видишь во сне? – удивился ещё более Иван Петрович.

– Какой ты непонятливый... Кого же, конечно, Га-лечки-ну мать.

– Ах, вот что... Всё старое. Я думал уже всё забыто.

Иван Петрович смутился и не знал, что сказать, что посоветовать.

– Ты бы с маменькой поговорила, Паша, – наконец догадался он.

Прасковья Ивановна рассердилась и проговорила резко:

– Советы твоей маменьки я знаю. И говорить с ней не стану.

Но через несколько дней свекровь сама заговорила с ней ласково и вкрадчиво:

– Пашенька, ты бы, милая, Богу сходила помолилась. Нездорова ты у нас... А после бы в лечебницу сходить.

– Эх, маменька, нечистую совесть доктор не вылечит, и Господь не поможет, – печально ответила Прасковья Ивановна.

Но она всё-таки сходила с мужем и дочерью на богомолье. Однако ей не стало легче. Бедная женщина повсюду искала опоры и поддержки, но нигде её не находила.

Однажды Прасковья Ивановна вызвала старую прачку в пустую прачечную и таинственно сказала ей:

– Матвеевна, я хочу о чём-то важном поговорить с тобою. Ты женщина хорошая и рассудительная, посоветуй мне, как мне быть, я очень измучилась душой.

– Ох, вижу я, всё вижу, голубушка Прасковья Ивановна,

как вы убиваетесь, я вас шибко жалею, – участливо сказала старуха.

От этих добрых слов Прасковья Ивановна вдруг закрыла лицо руками и горько заплакала.

– Что вы, голубушка хозяйка, полноте, не плачьте, всё уладится. Бог даст устроится, – утешала старуха молодую женщину, и обнимала её, и гладила по спине, как малое дитя.

– Извелась я, намучилась, Матвеевна. Совсем мне покою не даёт... Мать её... Галечкину-то, я ведь днём и ночью вижу, как живую. И молит она, и корит меня, и угрожает, и ласкает. Таково тяжко мне.

– Ах, Господи, какое горе... Не знаешь, как и пособить вам. Да вы не убивайтесь, голубушка. Молитесь, и Господь поможет вам.

– Уж я молюсь. Не доходит до Господа моя грешная молитва.

– А девочка-то что? Видели вы её? Хорошо ли жить-то ей?

– Видела. Сегодня видела. Вот и маюсь с тех пор ещё пуще. Суди ты сама, Матвеевна... Не позволила мне госпожа-то навещать её, говорит, пусть отвыкнет от вас. А не то она всё плачет обо мне. Я и не была там целый месяц. Сегодня не стерпела, зашла. Госпожи дома не было. Как вывела ко мне Галечку гувернантка, так я просто сама не своя стала. Она ко мне бросилась, заплакала, шепчет: «Тётя, возьмите меня домой». Не отвыкла, значит, ещё. А сама-то что обезьяна. Волосы в кучу сбоку собраны, на верхушке крас-

ный бант, платье шёлковое, пышное, кружева. А глазки-то печальные, хуже прежнего. Француженка велела ей присесть передо мной. Девочка послушалась и, как обезьяна, закривлялась. А я стою и смотрю на неё, слова сказать не могу. Вспомнила я мать, да как они с ней тогда миловались да целовались... Сердце у меня защемило и даже в глазах помутилось.

– Конечно, они были люди простые. У таких-то всё проще. У господ-то всё мудренее, – как бы желая успокоить хозяйку, заметила Матвеевна.

– Нет, мать её с большим образованием была. Она мне сама сказывала, что и гимназию кончила и какие-то курсы. Умная была женщина, хоть и молодая. Речи у неё были такие приятные, вразумительные.

– А кто же эта госпожа, что растит девочку? – спросила старуха.

– То-то и есть, что не знаю я. Отдала я девочку и не узнала. Стирала я ей бельё, богатая барыня, молодая, красивая, добрая. Галечка ей понравилась, стала просить отдать ей вместо дочери. Я отдала, пусть, думаю, в неге да в богатстве растёт, а теперь мучаюсь. Спросила я прислугу, говорят, всё-

то у них гости да веселье. Девочку мою разрядят да всем на-показ, заставляют петь песни да танцевать. Гостинцами всё кормят. А она, вишь, всё по мне тоскует. Я её спрашиваю: «Чему же ты учишься, Галечка?» А она так тихонько мне отвечает: «Танцевать».

Старая Матвеевна покачала головой и сказала:

– Живала и я прежде у хороших господ. Только там детей гостинцами не кормили. Вредно это. Да и по вечерам рано спать укладывали. Потому что дитя нежное, ему прежде всего нужно спокойствие.

Прасковья Ивановна опять заплакала:

– А у моей девочки нет спокойствия. Что её ждёт... Бог знает, как её вырастят. А мать-то смотрит на неё и меня корит. Что мне делать, Матвеевна? Как горю помочь? Посоветуй ты мне, ради Бога!

– Не горюйте, Прасковья Ивановна... Лучше умом раскиньте. По-моему, девочку надо взять оттуда. Возьмите и в другое место определите. Она такая тихая... Не добру её учат. Как обезьяну вырядили. Пожалуй, в танцорки готовят.

Разговор со старой прачкой не успокоил Прасковью Ивановну. Она выглядела совсем больной, едва на ногах держалась, ходила как в тумане и поминутно хваталась то за голову, то за грудь. Она часто присаживалась и ничего не могла работать. Дела мастерской шли очень плохо. Муж её и свекровь не на шутку тревожились и постоянно просили её:

– Паша, сходи ты к доктору. Посоветуйся.

– Мне ничто не поможет, – печально ответила Прасковья Ивановна.

Однажды ночью Прасковья Ивановна проснулась со страшным криком. Она была вся в поту и смотрела на всех дикими, широко раскрытыми глазами, и то стонала, то что-то бормотала, свесившись с постели и делая жесты руками:

– Встаньте, голубушка, встаньте... Ох, простите, милая... Сделаю всё...

Муж, свекровь вместе стали расспрашивать и успокаивать бедную женщину. Параня громко плакала.

– Паша, Паша, что ты, милая, опомнись! Господь с тобою! Что тебе причудилось... Сон ты, что ли, видела. Пашенька, успокойся!

– Ох, Ваня... Опять она приходила ко мне. Она – Галечкина-то мать. Вот здесь у постели на полу на коленях плакала и просила...

– Ну, полно, Прасковья, успокойся! Дай-кось я тебя спрысну. Попей воды. Это тебе приснилось.

– Нет, не приснилось. Она была тут, как живая... Как тогда перед смертью просила и руки целовала.

– Приди в себя, Пашенька, что ты! Никого здесь нет и не было, – сказал ласково ей муж, – вон и Паранька испугалась, плачет. Параня, иди к маме.

Прасковья Ивановна как бы очнулась, опомнилась и пришла в себя. Она прижала к себе свою девочку и тихо говорила мужу и свекрови:

– Это меня совесть так мучит. Надо клятву держать. Иначе зачем же и душа и честь у человека. Извелась я совсем... Тяжело мне.

Прасковья Ивановна заболела и пролежала целую неделю. А когда она поправилась и встала, то с утра исчезла с каким-то узелком. Она скоро вернулась и торжественно ввела в свою квартиру Галю.

– Больше я её никуда не отдам. Выращу и выучу, как обещала матери, – сказала она серьёзно и решительно. Лицо у неё было спокойное и непреклонное.

Свекровь и муж, казались, как громом поражённые... А в глазах Парани светились как будто весёлые огоньки, точно она была рада подружке.

В прачечной только и разговору было о том, что хозяйка опять привела свою воспитанницу.

– Что-то будет из этого? Не рады, поди, семейные... Не будет добра, – шептались прачки.

На долю сиротки

Прасковья Ивановна стала усиленно работать. Она с помощью прачек прибрала прачечную и заглянула во все уголки дома. Точно в семье готовились к празднику или наступало Светлое Воскресение.

– Что это наша хозяйка такую чистку завела, словно перед Светлым праздником, – говорила одна прачка другой.

– Может, какое начальство, приедет, – отвечала та ей.

– А слышали ли вы, бабоньки, ведь воспитанницу-то она опять взяла.

– Точно она её заморозила, право. Вот, поди же ты, и чужая девочка, а как она её жалеет... – судачили прачки.

Прасковья Ивановна ходила деловая, энергичная и работала как никогда. Довольная, спокойная улыбка не сходила с её доброго лица. На этом лице мелькало что-то решительное, упорное, готовое победить все преграды.

Но ещё более поразило всех в прачечной, когда хозяйка сама встала за глаженьё. Она отобрала самое тонкое, дорогое бельё и гладила не покладая рук.

Она была превосходная мастерица, и дело кипело у неё. Прачки с удивлением и восхищением смотрели на хозяйку: из-под её проворных рук выходили такие превосходные рубашки, такие кофточки, точно они готовились на выставку.

Прачки не переставали судачить между собою:

– Хозяйка сама стала работать... Верно, нам не доверяет... Она думает, что мы прогуливаем...

– Нет, она думает, что мы потихоньку другое работаем.

Что думала Прасковья Ивановна, она никому не говорила. Но она что-то думала: была озабочена, серьёзна и постоянно в работе.

Свекровь и муж как-то притихли и с удивлением смотрели на Прасковью Ивановну. Она их поражала: они понять не могли, что с ней делается. Как люди простые, рабочие, они были довольны, что Паша здорова, работает, за всем сама смотрит, во всё сама входит. Они видели, что всё идёт хорошо и мало-помалу возвращаются заказы. Этих людей интересовала только материальная сторона жизни, а о том, что может чувствовать и переживать душа человеческая, они, конечно, никогда не думали, да и не понимали... А у простой прачки оказалась душа благородная, глубокая, сложная...

Галя поселилась в том же уголке, в хозяйской комнате на сундуке, где и раньше. Она была всё так же тиха, молчалива, боязлива. Но её чёрные глаза менее грустно смотрели теперь на свет Божий. Точно она чувствовала за собой какую-то опору, защиту. Прасковья Ивановна никогда не ласкала девочку при своих. Но с утра и до ночи она о ней заботилась. Утром её вымоет, причешет, оденет чистенько, как и Параню. Смотрит, чтобы она помолилась Богу, сама учила их молитвам, смотрела, чтобы девочки были заняты, сыты, по вечерам обшивала их, постоянно приговаривая: «Скоро

учить вас буду, девочки. В школу станете ходить. Вдвоём-то хорошо, весело учиться».

Когда бабушка опять было вздумала нападать на сиротку, ссорить её с Параней, то Прасковья Ивановна вступилась горячо и решительно.

– Маменька, вы прежнего не начинайте и до горя нас опять не доводите, – тихим и строгим голосом сказала прачка, – решения своего я не изменю. Галечку никуда не отдам, воспитаю и выращу, как я перед Богом её матери честное слово дала. А если вы сироту обижать станете, то возьму обеих девочек и уеду в деревню.

Старуха начала было ворчать, но скоро примолкла: она поняла, что дело обернулось не в шутку. Пожалуй, Прасковья Ивановна исполнит свою угрозу, – так решительно и строго говорила она.

Мало-помалу свекровь как-то съёжилась, замолчала и отступилась от сироты. Но шипела втихомолку и потихоньку давала ей пинки и толки.

Между тем дело в прачечной опять пошло хорошо. Все заказы не только вернулись, но и поступали новые.

Прасковья Ивановна была очень весела, довольна, очень поздоровела, хотя и работала не покладая рук с утра до ночи. При каждом новом заказе она непременно говорила своим домашним:

– Это нам Бог на долю сиротки послал.

С мужем она часто вела разговоры, которые он не пони-

мал, и не умел ответить на её задушевные мысли.

– Вот, Ваня, я теперь и спокойна, здорова. Работа, слава Богу, идёт хорошо, заказов много. А всё оттого, что у меня совесть спокойна, что я по честному слову всё сделала.

– Кажись, нечего тебе было беспокоиться и прежде... Сама себя изводила напрасно.

– Нет, Ваня, самое главное в жизни – это спокойная совесть. Жить честно, сколько можешь добра делать, никого не обижать, где можно помочь, утешить... Тогда всё пойдёт хорошо и работать весело.

– Точно мы кого-нибудь обижали или жили дурно... Я, слава Богу, не пью и даже не курю. Все в работе... Чего же тебе ещё?

– У меня, Ваня, была совесть не спокойна... Замучила она меня. Обижали мы девочку-сиротку... Я её чуть не погубила... А ведь я клятву, честное слово ейной матери дала и не выполнила... Легко ли было моей душе-то.

– Ах, опять ты про старое... Потому что ни меня, ни маменьки не спросилась...

Но Прасковья Ивановна горячо перебила мужа и сказала ему серьёзно:

– Когда человек умирает, некогда за советом бежать, надо спрашивать только своё сердце... Вот моё сердце заговорило тогда дать честное слово, и хорошо. Я не каюсь. Слава Богу, что так сделала... Когда раздумаешься этак одна, точно светлое что пойдёт по душе, солнышком согреет... И

плакать захочется... От радости это, Ваня, не от горя...

– Мудрёная ты у нас, право, Паша. Как-то ты всё думаешь по-своему, по-другому, чем мы. Твоё, конечно, дело: ты хозяйка... А только правду маменька говорит: чужая девочка нам большая обуза.

– Не обуза она нам, а прибыль, – ответила Прасковья Ивановна, улыбнулась и больше разговаривать не стала.

Они с мужем жили согласно, но никогда не понимали друг друга.

Жизнь в прачечной текла по-старому. Только Галя и Параня под заботливыми взглядами матери сближались, чаще играли вместе. И так милы они были вместе – одна здоровенькая, весёлая, говорунья, другая тихая, уступчивая.

Бабушка по-прежнему ворчала и сердилась, но невестки своей серьёзно побаивалась и при ней никаких историй не устраивала.

Дела мастерской шли блестяще. Не прошло и года, как Прасковья Ивановна получила один большой выгодный заказ, который совсем поправил её дела. Получив его, она, довольная, радостно заявила всем:

– Это на долю сиротки Бог посылает. Теперь учить надо девочек.

Честное слово исполнено

В семье Новиковых пронеслась ещё одна гроза. Но только эта гроза была мимолетная, без тяжёлых последствий и ужасных опустошений. После неё скоро прояснилось небо и показалось красное солнышко.

Год за годом прошло пять лет. Сначала Прасковья Ивановна отдала Параню и Галю в городское училище. Галя училась превосходно и всё время шла первой ученицей и тянула из всех сил свою резвую подружку. Параня была очень ленива, непонятлива и терпеть не могла учиться. Немало поплакала она над ученьем и книгами.

Обе девочки выросли, возмужали, и каждая по-своему была славная и миленькая. Параня была высокого роста, толстушка, румяная, с ямочками на щеках, с большими серыми добрыми глазами, с густой русой косой. Галя – маленькая, худенькая, серьёзная, с задумчивыми чёрными глазами, с короткими вьющимися волосами.

– Вылитая мама. Ах, как ты на неё похожа, Галечка! И волосы, и взгляд, и улыбка, и голос... – не раз говаривала Прасковья Ивановна, приглаживая непокорные кудри девочки, а та нежно и доверчиво прижималась к тёте, как она всегда называла Прасковью Ивановну.

После окончания городской школы решено было обеих девочек отдать учиться швейному мастерству.

Каково же было всеобщее удивление, когда однажды, явившись из школы, Прасковья Ивановна объявила своим домашним:

– Я Галечку отдам в гимназию.

Бабушка даже руками всплеснула и вскрикнула:

– Что это ты, Прасковья, в своём уме?

– Что это право, Паша, ещё придумала? – как эхо отозвался её муж.

– Учительница Галечки меня вызывала и сказала, что девочка очень способна к науке и что её непременно надо дальше учить. Нельзя её так оставить. Она даже взялась сама её подготовить за лето даром.

– Из каких же это мы капиталов чужую девчонку, как барышню, обучать станем?! – язвительно спросила бабушка.

– На её долю Бог пошлёт... – ответила спокойно Прасковья Ивановна.

– Да что ты, Прасковья, заладила одно: на её долю, да на её долю. Какая такая её доля? Нашими-то руками да горбами, – сердито говорила свекровь.

– Правда, Паша, ведь работаем-то мы все на девочку, – отозвался и её муж.

– Не беда и на чужого человека поработать, коли на добро да на пользу. А только я её матери честное слово дала, что я её воспитаю, выращу и обучу хорошо. И честное слово это я сдержу.

– И горя и маеты видим мы с чужой девчонкой. Да есть

ли у тебя сердце-то? Ты своего ребёнка не жалеешь! Пусть лучше Паранька в гимназию идёт... – горячилась и кричала бабушка.

– Конечно, Паша, пусть лучше наша Параня барышней будет. Лучше её обучим в гимназии-то, чем на чужую всё пойдёт... – отозвался Иван Петрович.

– Наша Параня совсем не способна к учению. Каждому своя доля. Она любит на куклы шить, шляпки делать... а учиться для неё только мука. Мне учительница так говорила. Пусть обучается мастерству. А Галечку я в гимназию отдам. Что бы вы ни говорили – решение моё твёрдо! Я дала за неё клятву.

Прасковья Ивановна и Галя выдержали и эту грозу стойко. Как ни сердилась, как ни кричала бабушка, а Прасковья Ивановна своего решения не изменила.

Осенью в мастерской Новиковых произошла перемена: Прасковья Ивановна позвала столяров и в большой комнате, где обыкновенно гладили прачки, сделана была перегородка, отделён был маленький уголок с окном.

– Вот до чего мы дожили. Уж принцесса и в одной комнате с нами жить не может. Ей подавай особую комнату, – язвила бабушка.

Но Прасковья Ивановна молчала и делала своё дело. Молчала и Галя.

Она теперь была уже большая девочка 13-ти лет и хорошо понимала жизнь. Она видела борьбу, недовольство и молча

затаила в себе оскорблённые чувства, надеясь на тётю, как на каменную стену. В глазах девочки теперь часто мелькало что-то радостное, счастливое.

Когда была окончена работа столяров, то Прасковья Ивановна поставила за перегородку стол, два стула, кровать и прибила собственноручно полочку. Она привела туда свою воспитанницу и сказала:

– Вот тебе, Галечка, и кабинет. Учись тут, милая... Хоть и шумно и прачки порой мешают, а всё-таки свой уголок... Лучше, чем с нами со всеми в одной комнате.

Девочка бросилась к Прасковье Ивановне на шею, крепко обняла её и стала целовать её руки.

– Тётя... Спасибо... Дорогая тётя!

– Ну, что ты мне руки целуешь – грубые, жёсткие... Ведь я простая женщина... – улыбаясь, говорила прачка, лаская кудрявую головку.

– Нет, вы не простая... Вы лучше, добрее всех. Вы ангел, а не человек. Я ведь всё знаю, всё вижу, всё понимаю.

Прасковья Ивановна невольно вспоминала другую, далёкую сцену. Она сказала, вздохнув:

– Ну, вот, ты точно мама твоя тогда... Руки целует... И всё твердит: вы не простая, да вы лучше всех. Так ты мне напоминаешь маму.

– Моя мамочка верно понимала людей и знала, кому она меня оставляет...

– Тяжело тебе жилось, девочка... Что делать... Жизнь си-

ротская нелёгкая.

– Ничего, тётя... Я ведь всё понимаю... Знаю, что надо молча переносить и горе. И мамочка моя много страдала. Надо терпеть... Всё-таки я счастливая: Бог мне вас послал.

– Рада ли, что в гимназию-то поступила? – спросила девочку Прасковья Ивановна.

Девочка вся вспыхнула, оживилась. Глаза её заблестели.

– Ещё бы! Так рада, так рада, что я и высказать не могу. Ужасно рада. Это была моя мечта, моё самое заветное желание.

Да, девочка была безгранично счастлива. Она понимала, какое благо даёт ей тётя. Она так рвалась к свету, к знанию, так жаждала учиться. Она бы ни слова не смела сказать, если бы её отдали в портнихи, в модистки, в прачки или просто ничему не обучили... И вдруг ей выпало на долю такое счастье. И всё это сделала для неё простая, необразованная прачка.

Она ещё раз с горячим поцелуем припала к грубой руке Прасковьи Ивановны, и слёзы показались на её глазах.

– Тётечка, вы ангел... Чем я-то вас отблагодарю...

– Не надо мне твоей благодарности, Галечка. Главное – моя совесть спокойна.

И Прасковье Ивановне казалось, что невидимо благодарная душа матери находится между ними. И она чувствовала какое-то радостное, гордое и счастливое настроение, какое немногим выпадает на долю; но кто его испытал хоть раз, тот

может назвать себя действительно счастливым...

Галя поступила в гимназию. Она с увлечением отдалась науке. И здесь, в гимназии, она шла всё время первой ученицей. Учиться ей было нелегко, но она смело и твёрдо преодолевала все препятствия. Она никогда ни на что не жаловалась, не просила ни книг, ни тетрадей. Она брала их у подруг, списывала и тратила много лишнего времени. За тоненькой деревянной перегородкой часто слышны были перебранки прачек, пение и смех, доносилось шипение утюгов, воздух был сыроватый, удушливый, пахло мылом. А Галя, заткнувши уши, зубрила Закон Божий, историю, географию, решала задачи, писала сочинения. И здесь, за этой перегородкой, её забывал весь мир, и она считала себя счастливой.

Параня поступила в мастерскую, куда ходила учиться делать шляпки. Это была хорошенькая девушка, полная, хохотушка, весёлая и задорная. Заглядывая иногда к своей подруге, она всегда ужасалась:

– Как это ты, Галя, можешь учиться все время... Я бы, кажется, умерла со скуки... Пойду лучше гулять... Весело-то

как на улице. Если бы ты хоть раз пошла со мной, ты бы и в другой захотела...

– Нет, некогда мне, Параня... У меня такое трудное сочинение задано, надо обдумать.

– Ну, думай, думай... Всё равно ничего нового не придумаешь... А жизнь-то так и пройдёт... – с громким смехом говорила Параня и убегала от уткнувшейся в книги подружки.

Девушку манила жизнь, веселье; она любила наряды, прогулки...

– Моя Параня бедовая. Ей бы только веселиться да наряжаться. Что же делать: всякому своя доля, – говаривала Прасковья Ивановна.

Так год за годом прошло ещё семь лет. Галя провела эти годы или за перегородкой или в гимназии. Ни зимой, ни летом разницы не было. Летом она сидела у открытого окна с книгой. На окне стояли в цвету герани, фуксии, висела кисейная белая занавеска, скрывавшая девушку от любопытных взоров. Здесь она училась, читала, думала. Жилось ей теперь легче: своим стойким спокойным характером, своей тихой незлобивостью, она отвоевала себе уважение и независимость. Кроме того, она знала, что за ней стоит твёрдая опора и защита – Прасковья Ивановна. Бабушка по-прежнему не любила девушку, но совершенно оставила её в покое и даже никогда с ней не разговаривала. Училась Галя так хорошо, что за неё на другой год поступления стала платить гимназия. А в старших классах она уже имела уроки, и оде-

валась сама, и книги покупала, очень часто дарила и Паране то на ленточку, то на духи или на конфеты и даже предлагала платить за себя немного тётё, но та не согласилась.

Параня вносила в жизнь прачечной необыкновенное веселье: то она пела, то хохотала, то громко разговаривала. Летом обыкновенно все её мечты сосредоточивались на прогулках в сквере. Это был маленький садик около церкви, куда по вечерам собирались толпы гуляющих.

– Пойдём, Галя, хоть разок вечером в сквер. Весело так там. Сколько девиц, кавалеров гуляет. Такие все нарядные. Мне мама тоже обещала с розовым букетиком шляпку купить.

– Нет, Параня, я не пойду. Я взяла очень интересную книгу читать...

– Эх ты, учёная, – шутила Параня и, поцеловав свою серьёзную подругу, исчезла.

В год окончания курса Гали в семье Новиковых случилось два важных события: одно печальное, другое весёлое. Умер неожиданно Иван Петрович.

Он как-то простудился и, недолго поболел, скончался. После его смерти никаких перемен в прачечной не произошло. Но добрая душа Прасковьи Ивановны затаила глубокую грусть о своём тихом муже, да бабушка постоянно о нём плакала и часто уходила молиться на его могилу. Другое событие было таково: к Паране посватался жених. Начались переговоры, пересуды, толки. Параня твёрдо решила выйти

замуж и знать ничего не хотела.

– Я пойду и пойду за него. За другого не хочу... Мне этот нравится... Он красивый, он хороший, – упрямо твердила она.

Мать её отговаривала:

– Подожди, Параня, надо разузнать, что он за человек.

Ведь мы его мало знаем. Нельзя же так сразу на сватовство соглашаться. Что в его красоте, может, он человек нехороший.

– Он мне нравится, и я за него пойду, – отвечала упрямая девушка.

Жених был приказчик. Он служил в мануфактурном магазине. Это был красивый, разбитной юноша, щеголевато одетый и весёлый. Галя пришла в ужас. Обращаясь то к Прасковье Ивановне, то к Паране, она говорила:

– Мне кажется ужасным так выходить замуж, как Параня. Вы совсем не знаете, что за человек жених. Подумай, Параня, тебе жить с этим человеком всю жизнь... Может, у него характер дурной, может, он пьёт. Познакомься сначала. Не отдавайте её сразу, тётя, подождите.

– Нет, пойду за него. Его все хвалят. У нас в быту и все девушки так выходят. Я не барышня, чтобы разбирать женихов да дожидаться.

– Не всё ли равно: барышня или не барышня, Параня... Жизнь для всех одинакова: и горе и радость у всех одни. Мне тебя жаль. Я боюсь, что ты будешь несчастлива.

– Ну, ты всё с книжками и жизнь не видела... А я не такая, – возражала Параня.

Мать её отговаривала. Бабушка стояла на её стороне. Упрямая, своевольная девушка настояла на своём. На Красную горку была сыграна свадьба. Никогда прачечная Новиковой не видала такого веселья, как в тот день. Скрипка и

гармоника звучали непрерывно всю ночь. Плясали и русскую и казачка, даже бабушка пустилась на старости лет в пляс. Молодая была весела, счастлива и очень красива. Жених был развязен и порядочно подвыпил. Только одна Галя не принимала участия в общем веселье. Она сидела в уголке, смотрела на веселье и молчала с грустью. Её большие глаза задумчиво останавливались на подруге. Она со страхом думала о Паране...

* * *

Была осень. На вокзале Николаевской железной дороги толпился народ. Крики, грохот, суета – всё сливалось в одном общем гуле, раздававшемся при отъезде поезда.

Около вагона III класса стояла полная, красивая женщина в платке, кофте и рядом с нею маленькая чёрненькая девушка, скромно одетая. Это Прасковья Ивановна провожала Галю. Она уезжала далеко, в Сибирь, на большой завод учительницей в школу. Лицо Прасковьи Ивановны было в слезах.

– Всё ли ты взяла, милушка? Не забыла ли чайник-то? Ведь в дороге чай первое дело, – заботливо спрашивала прачка свою воспитанницу.

– Все взяла, тётечка, не думайте больше обо мне. Моя добрая, хорошая, вы всё сделали для меня. И я ничего не забыла. Галя с нежной лаской взглянула на полное заплаканное

лицо, и оно напомнило многое из её детства. Всю жизнь на этом лице мелькали тревоги, заботы о ней, ласки к ней – чужой девочке. Она крепко обняла за шею Прасковью Ивановну, стала крепко целовать и сквозь слёзы просила:

– Пишите, тётя... Дайте знать о себе поскорее. Я буду часто думать о вас. Ведь у меня никого нет, только вы и Параня.

– Ну, я писательница плохая... Да и Параня не любит... Ты пиши... Ах, милушка, а платок-то тёплый взяла ли, что я тебе вымыла? Сама мыла, хорошо так. Платок тёплый.

– Взяла, взяла, не беспокойтесь, родная. Спасибо. Попросите хотя кого-нибудь из прачек писать. Я буду ждать, – просила девушка.

В это время прозвонил второй звонок. Все засуетились. Галя бросилась снова целовать Прасковью Ивановну, целовала её лицо, руки и шептала:

– За всё спасибо. Никогда не забуду. Милая моя, родная тётя!

– Да не целуй ты мне рук... Ну вот точно твоя мать тогда, – сквозь слёзы говорила Прасковья Ивановна.

Поезд тронулся. Из окна III класса кивала ласково чёрная головка. Прасковья Ивановна отирала слёзы и крестила её.

Поезд живо скрылся вдали. Прачка торопливо пошла домой в свою мастерскую: её ждало дело, заботы. На душе у неё было и грустно и радостно. Грустно было отпустить так далеко Галечку. Радостно потому, что ей казалось, что совесть её может быть теперь спокойна: она сдержала, как уме-

ла, данное честное слово умирающей матери.

Тени прошлого

Прошло много лет. Выдалось серое холодное лето. Изодня в день лил дождь, дул холодный ветер, погода стояла хмурая, беспросветная, нагонявшая тоску и уныние. Скучно, неприглядно было и в высоких, нарядных, светлых хоромах, но ещё мрачнее, ужаснее было в тёмных, сырых подвалах больших городов, где ютились беднота да горе.

Один из таких подвалов, казалось, особенно утопал во тьме и сырости. Подвал этот отдавался по углам. Два узких грязных окна, где-то под потолком, выходили на какой-то полутёмный грязный двор. По стенам виднелась плесень. Весь дух был удушливый и смрадный. Ближе к столу, опершись на стол локтями, сидела полная женщина, неподвижная, молчаливая. Она тупо смотрела на просвет окна и думала безотрадную гнетущую думу. В её больших серых глазах светилось настоящее горе. Её что-то мучило, терзало, слёзы катились по её щекам. Около неё стоял мальчуган лет пяти-шести и тянул гнусавым голосом:

– Мама, а мама, дай копейку... Ты сказала, что дашь... А сама не даёшь. Мама, а мама...

Женщина толкнула мальчугана и шлёпнула его по голове.

– Отстанешь ты аль нет? Уйдёшь ты на улицу аль нет?

– Дождь идёт, грязно, – отозвалась с полу девочка постарше. Она держала в руках ребёнка лет трёх и забавляла его

какими-то тряпочками и пустыми коробками.

– Не сахарные, не развалитесь... Тут-то ещё хуже, не смотрела бы на вас... Всю душу вымотали... Этот ноет, тот ревёт. Господи, какая мука!

– Под дождём-то худо мокнуть. В угол грязи натащишь и перемениться не во что, – тихо и рассудительно заметила девочка.

– Ох, и надоели же вы мне! Не смотрели бы на вас мои глаза, – отчаянным голосом сказала женщина и упала головой на стол.

Мальчик опять заныл. Он был назойливый и вертлявый.

Мать рассердилась не на шутку и собралась как следует отшлёпать его. Но в это время её привлёк разговор в дверях. Кто-то называл её имя и фамилию, кто-то громко ответил. В темноте подвала нельзя было увидеть и разобрать.

– Прасковья Ивановна у нас есть... А уж фамилию её не знаем. У нас без фамилии живут.

– Замужняя она? Дети есть? – послышался вопрос.

– Вдова она, кажись... Да вон она, у окна. Прасковья Ивановна, вас тут какая-то барышня спрашивает. Да не знаю, вас ли, – сказала старуха-хозяйка, подходя к полной женщине.

В подвал вошла молодая девушка, худенькая, маленького роста, серьёзная. Она была одета в тёмный костюм. На курчавых коротких волосах надета была круглая шапочка с пером. Большие чёрные глаза так и впились в полную женщину. Она смотрела на неё пристально и как будто не узнавала

подошедшей, удивлялась, рвалась к ней и недоумевала.

– Ваша фамилия Знаменская, Прасковья Ивановна?

– Да. А вам что-нибудь надо? Насчёт работы? – усталым голосом спросила полная женщина и встала со своего места, прикрикнув на детей.

– Параня, да ты ли это? Разве ты не узнаёшь меня? Ведь я Галя. Помнишь, Параня, милая? Да неужели это ты?

Полная женщина очнулась, но как будто не обрадовалась, а скорее сконфузилась и молчала, не зная, что и сказать.

– Параня, милая, как же ты тут? Отчего ты так живёшь? Где же твой муж? Жив ли?

– Муж у меня умер. Так живём здесь с ребятами.

Хозяйка не приглашала гостью сесть. Она, видимо, была не рада госте.

Дети подошли к матери и жались, угрюмо посматривая на чужую.

– Это твои дети? Господи, как девочка похожа на тётю. Милая, как тебя зовут? – пришедшая хотела приласкать ребёнка.

Но девочка отвернулась и ничего не ответила. Дети были пугливые и дикие.

– Параня, ты как будто мне не рада. Встретились, как чужие... А я-то из-за тебя сюда и приехала. Едва удалось разыскать. Сколько я бегала-то...

– Негде мне вас принять... И не на что даже посадить... Ну, чего нам видеться, – нахмурившись ответила Прасковья

Ивановна.

– Да разве мне что-нибудь надо... Я хочу тебя и детей твоих видеть, поговорить, вспомнить старое. Вот ты меня как чужую, называешь на вы...

– Что там говорить... И вспоминать нечего... Моя жизнь хуже каторги, – перебила гостью хозяйка.

– А бабушка где? – гостья хотела отвлечь, перевести разговор.

– Бабушка со мной живёт, по стиркам ходит.

– А ты-то как же и на что живёшь?

– Тоже стиркой занимаюсь.

– Параня, приди ко мне... Вот адрес мой. И детей приведи. Я для вас же сюда ехала. Едва разыскала. Поговорим... Что-нибудь придумаем...

– Некогда мне ходить по гостям-то... Работать надо. Уж, вы, Галя, не взыщите.

Прасковья Ивановна, нахмурившись, отвернулась.

Галя хотела приласкать детей, но они спрятались. Она поцеловала Параню и опечаленная ушла. Так больно и странно ей было узнать в этой полной и угрюмой женщине прежнюю милую, весёлую Параню.

Вечером в том же подвале происходил такой разговор между Прасковьей Ивановной и старой сгорбленной старухой.

– Она к детям так ласкова. Просила прийти, привести. Может, детям-то и сделает что-нибудь.

– Ну, да знаем мы эти ласки, добра-то люди никогда не помнят. Нечего ей на нашу бедность зариться... Пусть и не ходит сюда.

– Она весёлая такая. Шубка на ней хорошая, в шляпке.

– Ну и пусть себе франтит. Много я горя из-за неё приняла.

Но Прасковья Ивановна не верила своей бабушке. Она хорошо помнила, кто из-за кого горя принял.

Галина Фёдоровна была настойчива. Она несколько дней подряд приходила в подвал. Она принесла детям булок, гостинцев, скромных игрушек. Она дала денег их матери. И мало-помалу нашла доступ к охладевшему, измученному сердцу несчастной женщины.

Однажды Гале показалось, что её как будто даже ждали в подвале. Было почище прибрано, стоял самовар, несколько чашек и лежал ситный.

– Садись, угостись хоть чайком. А то приходишь каждый день и угостить-то тебя нечем, – сказала Прасковья Ивановна, перейдя на ты, и даже улыбнулась.

– Параня, ведь я не за угощением... Не считай же ты меня чужой. Я твоя сестра. Твоя мама столько для меня сделала доброго. Я никогда этого не забуду. Может, и я в память её что-нибудь могу для тебя сделать. Я ведь вижу, как тебе тяжело живётся.

– Да уж моя жизнь! Лучше и не вспоминать. На свет Божий не любо смотреть.

– Не надо унывать, Параня, может, жизнь переменится.

– Чего меняться-то? Ещё хуже будет, – с отчаянием сказала Прасковья Ивановна.

– У тебя детки славные. Вырастут тебе на радость. О них надо думать.

– Что детки... В нищете, в горе... Без науки, часто без куска хлеба.

– Параня, не убивайся так. Мы что-нибудь придумаем... Ведь вы же меня не бросили, вырастили и выучили. Мой долг твоим детям помочь. Скажу тебе откровенно: к твоей Паше так моё сердце лежит. Без волнения видеть ее не могу: ужасно похожа на тетю. И в глазах её чистая, простая, бесхитростная душа...

Галя позвала к себе старшую девочку и, обняв её, поцеловала её голубые ясные глаза.

– Вылитая бабушка... Паша, поедem со мной в Сибирь. У меня хорошо. Учиться в школе будешь...

– Нет, я с мамой, – застенчиво ответила девочка.

– Глупая ещё... Оттого и хочет с мамой голодать, – сказала Прасковья Ивановна и опять улыбнулась.

– А всё-таки, Параня, дорого это... Любит она тебя, жалеет и не хочет оставить. Золотое сердце у этой девочки... Вот как было у тети.

– Да, маменька была неучёная и очень проста, а души справедливой, доброй... Всё, бывало, о правде, да о помощи, да о совести говорила. Тоже всегда бедных жалела. Я-то бы-

ла тогда молода. Не понимала, не верила... А теперь узнала, что она за жизнь... Послушала бы маменьку, лучше было бы.

Галя обняла подругу и усадила с собой рядом на кровать.

– Расскажи, Параня, отчего всё случилось, отчего тётя умерла... Я ведь вас потеряла из виду. Писала, просила знакомых узнать... Как в воду канули... Только и узнала, что тётя умерла, прачечную продали в другие руки. Помолилась я, поплакала об её доброй душе... О тебе постоянно справлялась. Никто ничего не мог узнать.

– Маменька умерла с горя. Муж у меня попался пьяница, разбойник. Всё прокучивал... Что, бывало, маменька ни даст, ничего не убережешь. Характер у него был скверный, такой буян. За детей очень маменька убивалась. Душа-то у неё была чувствительная. Она всё близко к сердцу принимала: очень детей моих жалела... Скучала и таяла, как свеча... Недолго прожила она. Часто тебя вспоминала... Бывало говорит: «Уеду я к Гале. У неё покой найду».

– И не приехала... Уехала в другой мир, моя добрая, хорошая тётя, – с грустью отозвалась Галина Фёдоровна.

– Муж скоро умер; после одной драки ему голову прошибли... И вот осталась я с бабушкой и троими ребятами. Знаешь сама, я была у родителей балованная, своевольная; учиться ничему не хотела как следует... Думала, всю жизнь за спиной мамы проживу припеваючи. А вышло-то не так. Вижу теперь, что самое главное надо учить детей, дело им в руки дать. Вот и мучаюсь, глядя на них.

Прасковья Ивановна задумалась. Галя сидела, обняв её, и со скорбным выражением слушала печальную повесть подруги.

– Ведь ты, Параня умела шляпки делать? Отчего ты всё бросила?

– Замужем, с ребятами всё забыла... Это дело чистое, кропотливое... Где уж с моими-то грубыми руками... Хожу с бабушкой по стиркам. Ребята одни болтаются в углу без учения, без призору. С голоду не умираем, а сыты не бываем.

По лицу Галины Фёдоровны пробежала судорога, как бы от боли. Она привсталала и живо проговорила:

– Ну, этого больше не будет. Так оставить вас нельзя. Детей надо учить. Знаешь, Параня, что я тебе скажу. Поедем со мной в Сибирь?

Лицо Прасковьи Ивановны выразило испуг.

– Что ты, что ты! Куда я поеду со старухой, с ребятами! Пустяки ты говоришь, Галечка!

– Нет, не пустяки... Все поедем. Там люди нужны. Детей твоих я к себе возьму, обучу в своей школе. Ты себе место найдёшь. Или шляпки будешь делать. Всё вспомнишь. Помогут тебе... Там всё это нужно... Бабушка у меня будет жить при школе.

– Сказки всё это, Галя. На какие средства мы поедем, оборванные... Да и бабушка не поедет.

– Ну, мы похлопочем её в богадельню.

– Хлопотали уже. Она ведь нравная, не идёт, внучат жа-

леет. Стара она, ведь ей, кажется, семьдесят семь лет, а всё ещё стирает, работает. Старинный крепкий человек.

– И бабушку уговорим. У нас там хорошо. Хозяйева мои – иностранцы, очень требовательные, но хорошие. И школа у меня отличная, большая, светлая. И люблю же я это дело. И ученики меня тоже любят. С такой радостью работаю и пользу приношу. Спасибо тётечке, что дала мне в руки такой благородный кусок хлеба.

Прасковья Ивановна слушала задумчиво, и на её озлобленном, измученном лице мелькали какие-то светлые мысли и добрые чувства.

На другой день Параня с детьми была у Гали. Бабушка не пришла.

– Зачем я к ней пойду? Мы с ней недружно жили, – упрямо сказала старуха.

Опять две подруги вспоминали прошлое, толковали. Галья серьёзно и решительно настаивала, чтобы Параня ехала с нею.

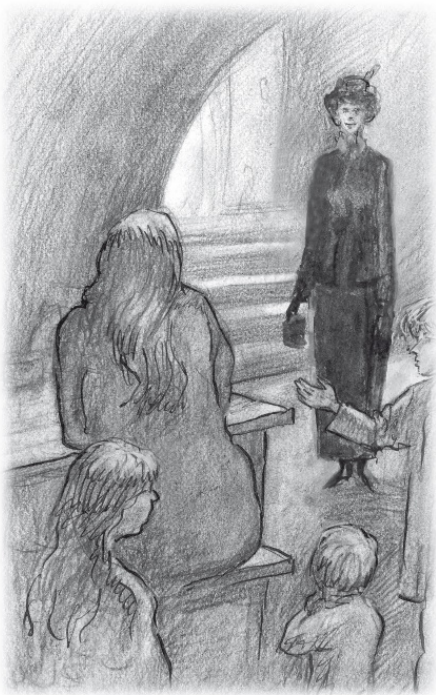
Прасковья Ивановна как будто склонялась и отвечала, улыбаясь:

– Ну куда ты и на какие капиталы нас потащишь? Испугаются там такой оравы!

– Найдётся у меня немного денег, прикопила. Мы ведь скромно поедем.

– А бабушка-то? Она не поедет. Жаль ведь её оставить. Одна, старая. Всю жизнь нам отдала.

– Я её уговорю, – решительно сказала Галя.

И, действительно, уговорила, употребила в дело всё своё красноречие и взяла её просьбами пожалеть внучат.

Сначала старуха сердилась и слышать не хотела об отъезде.

– Никуда я не поеду. Пусть Параня с детьми едет. А я тут

около родных могилочек останусь.

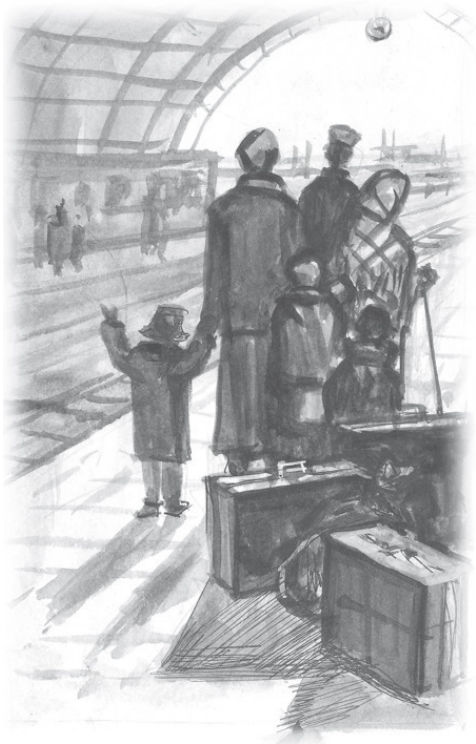
– Бабушка, тут мёртвые, а там живые люди... ваши внуки... Вы им нужны. Они без вас скучать будут.

– Не дотащите вы меня, – уж как будто склонялась старуха.

– Дотащим... Вы ещё внуков подымете, вырастите. Работать вы молодец.

– Да уж это правда... Пока руки служат, даром хлеб есть не буду.

– Поедемте, бабушка, там дела много.

С трудом, но старуху уговорили. В подвале поднялась суета перед отъездом. Прасковья Ивановна ожила, расцвела, стала доброй и деятельной; она обшивала детей, стирала, укладывалась и работала целые дни. Просвет и надежда на лучшее будущее придали ей энергии и сил для борьбы.

Опять было шумно и суетливо на вокзале Николаевской железной дороги... Галя, Параня, бабушка и дети уезжали в Сибирь. Никто их не провожал. Скромно, даже бедно одетые, они были так счастливы, веселы, шутили, смеялись... А счастливее всех, радостнее и довольнее была Галина Фёдоровна. Она заботилась о вещах, о детях, усаживала их, хлопотала. И ей казалось, что её благословляет невидимо чья-то добрая душа и тени прошлого шлют им всем напутственный привет на новый путь.

Беднота

Рассказ

I

Это случилось в один из самых холодных осенних дней, когда, как говорится, добрый хозяин собаку на улицу не выпустит... Серая мгла окутывала землю, дождь лил ливнем, ветер пронизывал до костей. В квартире Пелагеи Ниловны раздался звонок. Она сама открыла дверь и увидела двух молодых людей.

– Здесь отдаётся комната? – вместе спросили они.

– Здесь, – ответила старушка, подозрительно оглядывая молодых людей, промокших, посиневших, дрожащих от холода.

– Да вы, господа, не студенты ли? – боязливо спросила Пелагея Ниловна.

– Почти что так, сударыня, – улыбаясь, ответил один из молодых людей. Он был в форме, и поверх фуражки с кокардой у него был одет башлык; другой был статский – в порывелом пальто и поношенной шляпе.

– Я студентов не пускаю, – объявила хозяйка.

– За что такая немилость? – спросил статский.

– Оттого, что с ними беспокойно!..

– С другими, может, беспокойно... Но, уверяем вас, сударыня, если вы обойдёте весь земной шар, то не встретите людей более покойных, чем мы...

– Уж вы, господин, меня не учите... Я это очень хорошо знаю сама, – обидчиво ответила Пелагея Ниловна.

– А если вы это знаете, то позвольте посмотреть комнату... Может, мы наймём и не для студентов. К тому же, разрешите немножко обогреться. Погода отчаянная, и мы продрогли, – сказал молодой человек в форме, снимая и стряхивая башлык.

– Обогреться можете... Калоши снимите!.. Ах, вы без калош. Пожалуй, и ноги промочили! Ну, подождите здесь в прихожей, я тряпку принесу: ноги надо обтереть, а то наследите... У меня полы чистые... Только я студентов не пускаю в жильцы, – проговорила хозяйка, скрываясь в кухне.

Пелагея Ниловна была маленькая, седенькая хлопотунья-старушка. Одета в всё тёмное, с чёрной косынкой на голове, она походила на монашенку. Говорила она скоро, ходила быстро и, несмотря на старость, лицо у неё было свежее и глаза бойкие.

– Славная бабуня! Какое у неё милое лицо, – сказал статский своему товарищу. Старушка быстро вернулась с тряпкой.

– Вы хорошенько ноги обтирайте! Теперь идите направо... Вот комната! Молодые люди вошли в маленькую, уютную комнату с простой, дешёвой обстановкой. Здесь стояли кровать, диван, обитый пёстрым ситцем, комод, стол, два стула, этажерка; на стене висели зеркальце и олеография, изображающая итальянку. В комнате едва можно было повернуться, но было чисто, светло и на всём лежала печать заботы и домовитости. Молодые люди переглянулись, подмиг-

нув друг другу: комната им сразу понравилась.

– Как вас зовут, хозяйюшка? – спросил статский.

– Пелагея Ниловна.

– Прекрасное имя! Сейчас видно, что вы хороший человек!..

– Имя, батюшка, христианское... Так родители назвали... А уж хороша или нет – про то люди знают... Кажись, поперёк горла никому не стала...

– Какой сегодня холод, Пелагея Ниловна, промокли и продрогли мы, искавши комнату. И никуда-то бедных студентов не пускают жить... Хоть на улице оставайся! – проговорил, улыбаясь, тот, кто был в форме.

– А сколько вы берёте за эту комнату? – спросил статский.

– Десять рублей. И меньше ни копейки! Студентов я не пускаю... Старушка взглянула на молодых людей вызывающе. Она отдавала комнату за семь рублей и хотела их напугать высокой ценой. Молодые люди снова переглянулись и молча кивнули друг другу головой. Тот, что был в форме, полез в карман, достал потёртое портмоне, вынул две бумажки и, подавая их старушке, сказал:

– Вот что, добрая хозяйюшка, уж вы отдайте нам эту комнату. Она нам очень понравилась, да и близко ходить на занятия. Люди мы тихие. Никакого беспокойства вам не доставим; деньги будем платить вперёд; балов не даём – разве когда один или два товарища придут...

Пелагея Ниловна опешила. Бедность и нужда научили её

считать каждую копейку, и прибавка к плате за комнату казалась ей очень заманчивой.

– Да как же это?! Уж, право, не знаю... Ведь, я не хотела студентов пускать... – говорила она в раздумье.

– Это ничего. Мы ведь не настоящие студенты... Не из тех, которых вы боитесь, – пошутил статский.

– Да как же это? – начала было Пелагея Ниловна, но молодые люди не дали ей возможность договорить.

– Значит, дело в шляпе! Получайте, хозяйюшка, деньги за комнату... И мы сегодня же переберёмся.

– Ну хорошо, так и быть! Только, господа, уговор дороже денег. Чтобы у меня ни вечеров, ни гаму, ни споров не было. У меня тут за стеной пятый год жилец важный живёт, настоящий чиновник. У него и крест на груди за службу есть... Он беспокойства не любит...

– Согласны! Ваш «настоящий» чиновник может быть спокоен: мы будем ходить на цыпочках и говорить шёпотом.

– Да что ж это я?! Ишь, как вы промокли. Дайте-ка я посушу ваши пальто в кухне, – засуетилась Пелагея Ниловна, сразу входя в роль заботливой хозяйки.

К вечеру новые жильцы перебрались в комнату. Привезли они с собой два ящика и корзинку. «Сколько добра-то! Должно быть, родители у них достаточные», – подумала хозяйка, поглядывая на тяжёлые вещи. Весело кипел самовар в маленькой комнате. Студенты с удовольствием пили чай после целого дня беготни и хлопот. Пелагея Ниловна, принося

посуду и самовар, внимательно рассматривала своих новых жильцов. Один – смуглый, с курчавыми, лохматыми волосами, с большими чёрными глазами, с орлиным носом, должно быть, южанин. «Точно цыган», – подумала старушка. Другой – низенького роста, бледный, худощавый, с тонкими женственными чертами лица, с голубыми глазами и светлыми волосами; держался сутуловато и говорил тихо.

– Вы по какой части же будете, господа? – спросила их хозяйка.

– Я буду по докторской части, а он, сей белокурый юноша, будет по рисовальной части, то есть художник. Настоящий, хозяйюшка, художник, – ответил брюнет и рассмеялся.

– Так, так. Это хорошо! Ну, кушайте на здоровье чаёк. Мало будет одного самовара, кликните – ещё наставлю.

– Не хотите ли, хозяйюшка, и вы с нами откусать за компанию китайской травки? – предложили жильцы.

– Нет, нет. Вот ещё что сказали! Кушайте себе на здоровье. А я вам умывальничек справлю, – и старушка торопливо скрылась за дверью.

– Молодец наша старушенция! Сразу располагает на свою пользу. Мы тут отлично заживём, – заметил студент-медик.

II

К Пелагее Ниловне пришла в гости приятельница-богаделенка, Матрёна Григорьевна. Хозяйка очень обрадовалась гостье, крепко поцеловала её и стала суетливо разводить под плитой огонь, чтобы сварить кофе.

– Рада-радёшенька, милая, что вы пришли! Давно не были... Уж я и то поминала, что это, мол, Матрёна Григорьевна нейдёт... – говорила старушка, суетясь около плиты.

– Прихворнула я, Пелагея Ниловна... Как у вас в кухне-ке-то хорошо! Экая благодать! Тепло, чисто, светло... И вы себе сами госпожа, – говорила гостья, качая в такт головой и складывая на груди руки.

Матрёна Григорьевна – высокая, плотная старуха, с большим, широким носом, с маленькими карими глазками – держалась прямо, говорила степенно, поджимая губы. Одета она просто: на ней тёмное платье, вязаный платок на плечах, белый чепчик с мелкими оборками на голове.

– Квартирка у меня удобная. Конечно, недостатков нет, жить трудновато... Только я всегда за свою жизнь благодарю Бога и своих благодетелей, которые меня не оставляют...

Пелагея Ниловна перекрестилась. Обе старушки находились в небольшой, светленькой кухне. В углу, ближе к двери, уютилась плита; по другой стене стояли кровать, сундук; у окна – белый деревянный стол. Это единственное узкое окно было в ту пору разукрашено затейливыми узорами мороза, а на подоконнике красовался горшочек с зелёным луком.

– Садитесь, Матрёна Григорьевна, к столу... Вот и кофей скипел... Садитесь, милая, выпейте кофейку... Сливков-то уж, не взыщите, нету... Кофей у меня отличный. За фунт сорок пять копеек платила...

Кухонный стол в одно мгновение оказался накрытым красной скатертью, тут был поставлен выцветший поднос с двумя чашками и кипящим кофейником, от которого распространялся ароматный запах. Хозяйка открыла сундук, достала коробочку из-под монпансье, там было немного сахара. Старушки с наслаждением стали пить кофе, чашку за чашкой, и душевно разговорились о своих делах.

– Ну что, как у вас в богадельне, Матрёна Григорьевна?

– Ох, и не спрашивайте! Вздорят старухи... Недавно, совестно сказать, из-за кофейных переварков перебранились... Я этого ужасно не люблю.

– Конечно, нехорошо! Всякий народ бывает... Иные такие вздорные, неуживчивые... Не приведи Господь!

– Просто беда! Ну, а вы как со своими жильцами, Пелагея Ниловна? Что-то я слышала, будто у вас новые? Прекрасный у вас кофей! Целительный! – проговорила гостья, пододвигая чашку.

Хозяйка торопливо налила ещё.

– В большой комнате всё по-прежнему живёт чиновник, а в маленькой, вот уже третий месяц, живут студенты...

– Студенты?! – ужаснулась гостья. – И вы не побоялись пустить?!

– Сначала-то, правда, боялась... А ничего, тихие оказались...

– Деньги-то платят ли?

– Беднота, а платят. Ох, какая беднота!!! Ничего-то у них нет...

– Ну, и смелы же вы, Пелагея Ниловна! От студентов – шум, гам. Одни товарищей наведут, накурят, накричат; другие – деньги неаккуратно платят... А то ещё одна моя знакомая рассказывала, что два студента смерть в своей комнате держали, так в том доме ни одна прислуга жить не стала.

– На своих пожаловаться не могу... До сих пор у нас всё по-хорошему... У меня с тем и сдано было, чтобы никаких историй... Только беднота, голубушка, крайняя беднота!.. Ни тебе пальтишек тёплых, ни тебе калош, ни тебе белья порядочного... Одни только книги... Пища тоже у них плохая. Когда одним чаем пробавляются... И ничего, не горюют... Вот она молодость-то! Шутники такие, весёлые...

– Какие же они студенты-то?

– Один, милая моя – докторский, другой – рисовальный; вот, должно быть, иконы учится рисовать.

– Так. Ну а чиновник всё по-старому?

– Живёт... да-а! Чиновник настоящий, важный... жалованье громадное получает; вот не могу сказать наверное – не то 50 рублей, не то 60 рублей в месяц. Чиновник хороший, деньги платит верно... Только, скажу я вам, Матрёна Григорьевна, – хозяйка зашептала гостье на ухо, – скуп... Ох, как

скуп! Никогда чашки чаю не даст; чай сопьёт, а траву-то ещё высушит; хлеб заплесневелый ест, окурки собирает...

– О душе своей не заботится, Пелагея Ниловна... Спасибо за кофе... Всласть напилась... Так-то хорошо!

– Налила бы я вам ещё, дорогая, чашечку, да больше в кофейнике не осталось. – И хозяйка в доказательство потрясла кофейник.

– Спасибо, спасибо! Я сыта... Кажется, шесть чашек выпила... Спасибо! Я и то всегда в богадельне рассказываю, как вы меня угощаете... – Старушки ещё поговорили с часок. Они вспоминали прошлое, как им жилось спокойно, счастливо, как их берегли, любили. Затем Матрёна Григорьевна стала собираться домой. Пелагея Ниловна её не удерживала, так как с минуты на минуту ожидала возвращения своих жильцов, для которых придётся и самовар ставить, и в лавочку сходить.

III

Пелагея Ниловна очень скоро освоилась со своими новыми жильцами. Они, действительно, были люди хорошие, домой приходили рано и к хозяйке относились почтительно, жалея и оберегая её старость. Часто они сами ставили самовар, чтобы не тревожить лишний раз старушку, сами бегали в булочную, сапог никогда не давали ей чистить.

– Мы пока ещё молоды, хозяйюшка! А молодым людям необходим ручной труд, – шутил художник, надевая на руку сапог и старательно вода по нему щёткой.

В одном разочаровалась хозяйка: жильцы её оказались людьми совсем бедными, два сундука, введшие её в приятное заблуждение, были наполнены старыми книгами, а в маленькой корзинке было немного белья. Пелагея Ниловна была женщина хотя простая, необразованная, но добрая; а в сердце каждой женщины скрыто немало сокровищ: есть там потребность о ком-нибудь заботиться, желание кого-либо приголубить, утешить, облегчить чьё-либо страдание... И вот наша старушка предметом своих материнских забот избрала молодых жильцов; особенно жалела она художника.

– Какой дохленький! В чём душа держится! Поди, матушка родная о нём горюет, думает... Эх, беднота, беднота! – так не раз сокрушалась Пелагея Ниловна. Она с особенной заботливостью прибирала комнату студентов, даже чинила

их бельё и платье, чего по уговору делать не бралась. Как-то раз медик, надев пальто, радостно воскликнул:

– Какая это волшебная фея починила мне карманы?! А то я по забывчивости немало вещей опускал в них, как в бездонную пропасть... Я должен непременно расцеловать эту добрую, но неизвестную мне волшебницу...

– И вовсе не фея и не волшебница, а я... И поцелуев мне твоих не надо: я их терпеть не могу, – отозвалась старушка, провожая жильца.

– Бабуня, за такие добрые дела, вы, наверно, будете живой взяты на небо... А я мысленно преклоняюсь перед вами, – говорил студент, низко кланяясь

– Полно тебя балагурить-то... Лучше, как увидел, что карманы дырявые и попросил бы починить... И не терял бы ничего... Мне за всем не углядеть, – отвечала Пелагея Ниловна, закрывая за жильцом дверь.

Молодые люди сердечно полюбили свою хозяйку и, что свойственно юности, постоянно над ней добродушно подсмеивались и шутили, называя её то «бабу-ней», то «Пелагеей Миловной». Она же по привычке многих старых людей, желающих показать расположение, почти сразу стала говорить им «ты».

Студентам жилось тяжёло. Медик получал 30 рублей в месяц стипендии, и на это оба жили. Жить на такие деньги в столицах можно только впроголодь. Получит наша молодёжь стипендию, отдаст хозяйке за комнату, уплатит кое-

какие мелкие долги, неделю-две обедают в дешёвой кухмистерской, а другие полмесяца перебиваются чаем, ситным, очень часто – и одним чёрным хлебом. А ведь надо ещё одеться, надо книги, нужны ещё многие необходимые мелочи. И хорошо, если на помощь являются уроки или какая-нибудь другая работа. Но пусть никто не подумает, что такие лишения могут очень печалить молодых людей, стремящихся к образованию. Их увлекают науки, светлые образы искусства; перед ними заманчивое будущее. Молодость выносила.

Жильцы Пелагеи Ниловны были всегда веселы, всегда шутили. Пелагея Ниловна жалела молодых людей, хотя и сама жила на гроши. Раз в месяц она ходила к какой-нибудь благотельнице-княгине и получала от неё пять рублей; немного оставалось от жильцов, да бесплатное помещение в кухне – так и тянула свою однообразную жизнь старушка. Рубль она считала большими деньгами, пятьдесят рублей – огромным капиталом, а сто рублей во всю жизнь не видала, – как она говорила Матрёне Григорьевне.

Пелагея Ниловна могла отказать себе во всём, кроме кофе; и про эту слабость её скоро узнали молодые жильцы. Видя её иногда на кухне за чашкой кофе, они всегда подсмеивались.

– Не пейте, бабуня, кофе, у вас нервы расходятся, – говорил ей как-то медик.

– Ничего не расходятся... Век пью, ничего не случилось.

Ведь я пью немного. Вот, кажется, сегодня первую чашечку.

– Ну, если первую, ничего. Больше – ни-ни... С тех пор, сколько бы раз на дню студенты ни заставляли её за кофе, непременно спрашивали:

– Что, бабуня, сегодня первую чашечку?

– Да, кажется, первую, вот только что присела, – добродушно отвечала старушка.

Художник постоянно приставал к своей хозяйке с портретом.

– Уж вы как хотите, Пелагея Мил овна, а я с вас портрет напишу... и на выставку поставлю.

– Что ты, что ты, батюшка! На старости-то лет! Ведь я не важная какая госпожа, чтоб меня на выставку... Вот тоже шутник!

– У вас, бабуня, лицо типичное...

– Не пойму я твоих мудрёных слов... Лучше, чем пустое-то говорить, взял бы да мне все образа подновил. Вот скажу спасибо!

– О, я для вас на всё готов! И образа все заново сделаю, – весело отвечал юноша.

Важный жилец, «настоящий» чиновник, не особенно был доволен появлением молодых людей в квартире.

– Вы хорошенько мою комнату запирайте, как уберёте... Чтобы никто туда и не заглядывал... Чтобы не пропало что... – говорил он каждое утро хозяйке, уходя на службу и поглядывая на комнату жильцов.

А если ему приходилось сталкиваться с ними в прихожей, то его и без того угрюмое и злое лицо становилось ещё су-мрачнее. Он взглядывал на студентов так, как будто хотел их проглотить. По вечерам он нередко выходил на кухню и сердито говорил хозяйке:

– Покою нет! Чего они там галдят? Подите, скажите, что-бы говорили потише... Что это за безобразия!

Пелагея Ниловна ничего ему не отвечала, но отправляясь в комнату молодых людей, ворчала про себя:

– Вот ещё зло какое навязалось! Ни ему стукни... Ни ему слово скажи... Уж, кажется, люди тихие, уважительные... Другие бы ему ещё не то сделали... Рассержусь, возьму и откажу! Пусть ищет другую комнату! Надоел!..

Старушка только наедине принимала такие строгие решения, а входя в комнату студентов, начинала слезливо просить их быть потише и горько жаловалась на своего важного жильца. Молодые люди смеялись, начинали ходить на цыпочках и говорить шёпотом. Знакомство между студентами и чиновником не налаживалось. Этот последний чуть ли с каждым днём относился к ним враждебнее и враждебнее. Наконец, совсем рассердился. Раз вечером художнику понадобились чернила, которые у него вышли.

– Попросите, Пелагея Ниловна, у соседа... Скажите, я только напишу письмо и ему отдам.

Недоверчиво качая головой, зашла старушка в комнату важного жильца и тотчас вернулась ни с чем.

– Говорит, что у него нету... Как же, держи карман шире... Даст этот скаред что-нибудь... Сама знаю, что чернила есть. Вот-то жадный, прости, Господи! – ворчала старушка.

– Ну и не надо! Может, и правда, у него нет... – ответил юноша и, весело посвистывая, накинул пальто и побежал за чернилами.

В другой раз медик готовился к экзамену... Была уже ночь... Времени для занятий оставалось мало, а работы было ещё много... Вдруг молодой человек заметил, что у него догорает лампа; встревоженный выбежал он на кухню. Хозяйка уже спала.

– Бабуня, голубушка, одолжите мне до завтра керосину... Мне крайне нужно заниматься... Извините, что я вас разбудил. Старушка подняла голову.

– Нету у меня самой, батюшка, керосину... Тоже весь вышел... – прошамкала она в ответ.

– Ну свечки поищите, может, огарок найдётся. Что я буду делать?!

– Ничего нету, родной... Я бы дала. Разве мне жаль...

– Как хотите, бабуня, попросите у жильца... Скажите, мол, крайность... Завтра экзамен... Я ему отдам с благодарностью... Попросите, пожалуйста... У него свет. Он ещё не спит.

– Ох, не даст! Не даст... Ну, иди... Сейчас встану... Попытаюсь...

– Молодой человек дожидался у дверей, пока старушка прошла к жильцу. Чиновник не только не дал, но ещё закричал на хозяйку так, что каждое его сердитое слово явственно раздавалось в прихожей и доносилось до слуха медика...

– Как вы смеете меня беспокоить! Что у меня лавка, что ли! С подобными просьбами никогда ко мне не обращайтесь!.. Скажите вашим жильцам, что очень стыдно попро-

шайничать!!!

Студент обиделся.

– А чтоб ему было пусто! Что ж мне теперь делать! Бабу-
ня, скажите!..

– Уж, право, не знаю, милый... Какой он сердитый... Вот
какая неприятность вышла, – шептала растерянно старушка.

В нужде люди бывают изобретательны. Медик попросил
у хозяйки деревянного масла, налил его в стакан, сделал из
ваты светильню, вставил её в какую-то проволоку и у этого
импровизированного ночника занимался целую ночь.

Случай этот скоро был забыт. Только в весёлые минуты
молодые люди указывали своей хозяйке на дверь соседа и
тихо напевали:

Спит Кашей на сундуке;

Ключ в руке...

Спит не спит, всё просыпается,

За сундук он свой хватается...

Ой, беда, беда, беда...

Горькая беда! Баю-баю, богатей,

Не проспи своих рублей! Баюшки-баю!

– Уж подлинно Кашей, – вторила старушка. – Прости, Гос-
поди, от чаю, знаете, олово и то всё складывает в коробку,
говорит, ему за это ещё восьмушку чаю дадут... Вот он ка-
кой!

Пелагея Ниловна очень любила поговорить, особенно

вспомнить старину. Подавая утром студентам умываться или вечером принося самовар, она рассказывала им свою прежнюю жизнь, когда она жила «по-людски». Это было её любимое выражение. Рассказывала про свою благодетельницу-княгиню, про свою приятельницу-богаделенку. Ей было очень приятно, когда молодые люди спрашивали её:

– А что, бабуня, приходила сегодня Матрёна Григорьевна? Что у неё нового в богадельне? Как поживают старушки? Не вышло ли там опять неприятностей из-за переварков?

– Была, родной, неприятность, была... И начинался бесконечный рассказ, всё на одну и ту же тему... Так и проходила эта тихая жизнь незаметных людей в маленькой квартире Пелагеи Ниловны, вдали от суеты и от веселья большого, шумного города.

IV

Прошёл целый год. Летом студент медик уезжал на родину, художник один оставался у Пелагеи Ниловны. Жили они тихо, мирно и даже с чиновником недоразумений никаких не происходило. Осенью вернулся медик, начались занятия и потекла та же трудовая, полная лишений жизнь. Вдруг совершенно неожиданно вышла большая неприятность: Пелагея Ниловна поссорилась со своими молодыми жильцами. Произошло это перед самым Рождеством. Давно уже заметила Пелагея Ниловна, что у её студентов сапоги совсем отказываются служить, чуть с ног не валяются.

– Хоть бы починили сапоги-то. Вы посидите денёк дома, а я снесу, – говорила не раз старушка.

– Нет, Пелагея Ниловна, не на что чинить... Денег нет, – отвечали ей.

– Как же вы праздник-то станете ходить?

– А зачем нам непременно ходить? Мы можем сидеть или лежать, – шутливо отвечали ей.

Старушка вздыхала: ей казалось, что сквозь эти шутки проглядывало огорчение. Она уходила на кухню озабоченная и сокрушалась, что при своей бедности ничего не может сделать для своих любимцев.

– Ох, беднота, беднота! – шептала она, качая головой. Праздник приближался, Пелагея Ниловна, как всякая забот-

ливая хозяйка, подняла в квартире дым коромыслом и даже несколько раз вздорилась с «настоящим» чиновником, который не доискался какой-то верёвки, то пробки, то двух папирос. Свою досаду на «важного» жильца старушка изливала перед студентами и тут же неизменно прибавляла:

– А вы-то как праздник встретите?! Совсем не по-людски... Ни тебе булочки домашней, ни тебе гуся... Хотя бы заняли где-нибудь рублика два... Я бы вам всё дома сготовила... И встретили бы праздничек, как люди...

– Не беда! Мы сами невелики гуси, можем и без гуся, – отвечал медик со смехом.

– Ох, беднота, беднота! – вздыхала Пелагея Ниловна, уходя к себе на кухню.

В сочельник днём, когда студенты благодушно сидели за самоварчиком, читали да и мирно беседовали, в их комнату влетела хозяйка... да, положительно не вошла, а влетела. Она была в салопе, в платке, красная, запыхавшаяся, едва переводившая дух.

– Уф, уф. Вот... Деньги!!! Ей-Богу... Пятьдесят рублей!!! Вам!

– Какие деньги? – удивлённо спросил медик, сидевший на диване.

– Кому деньги? Откуда? – переспросил художник.

– Вам... Вам обоим... право! Ей-Богу!

– Откуда вы взяли эти деньги? – спросили молодые люди в одно слово.

– Княгиня дала... Сама княгиня...

– Какая княгиня? Для чего? На что? – все более и более удивляясь, спрашивали молодые люди.

Старушка вся тряслась от волнения, улыбалась счастливой, растерянной улыбкой и, протягивая деньги, заговорила скоро-скоро, задыхаясь, глотая слёзы.

– Я ей всё рассказала... Кто вы такие... чем занимаетесь, про вашу бедность... Что и сапог-то нет, и праздник нечем встретить... Она ушла... и вынесла... Шутка ли! Пятьдесят рублей... Помоги, говорит, чтобы они не знали от кого... А я думаю... Не дурное... Чего тут скрывать... Вот... вот...

Пелагея Ниловна не успела кончить... Медик вскочил, как ужаленный. Лицо его приняло сердитое выражение, чёрные глаза сверкали... Остановившись близко около хозяйки, он сказал громко и резко:

– Вы, должно быть, с ума сошли, Пелагея Ниловна!!! Кто разрешил вам собирать для нас милостыню? Мы вас об этом не просили! И подачек не принимаем! Понимаете?!

– Опомнись, батюшка, что ты говоришь! Какая же это милостыня! Ведь я не по улице собирала... Если добрый человек помогает, что ж тут худого, – твердила старушка, растерянно разводя руками. Художник сидел, низко опустив голову, покраснев до корней волос. Он тоже встал и сказал тихо:

– Помогать можно и должно только старым, больным и детям... Людям молодым стыдно принимать незаработанные деньги...

– Не желаем мы ничьей помощи!!! Мы не нищие. Мы вас не просили ради нас побираться!!! – горячился медик.

– Помощи не хотите... А самим есть нечего... сапог нет, – взволнованно отвечала старушка.

– Это вас не касается! Неужели вы не понимаете, что такие подачки оскорбляют самолюбие и гордость...

– Не понимаю я твоих мудрёных слов... Я от чистого сердца, жалеючи вас... А вы вот как...

– Никто вас не просил!!! Что за безобразие! Пожалуйста, идите и отнесите эти деньги! – горячился медик.

– Иван, успокойся! – уговаривал его товарищ. – Пелагея Ниловна, вы отнесите эти пятьдесят рублей вашей княгине и скажите, что нам их не надо, – прибавил он, обращаясь к хозяйке. Старушка заморгала глазами и взволнованная ушла в кухню; там она разделась, села к столу и заплакала:

– Вот она людская благодарность! Я для них всей душой... А они-то... Чуть в шею не вытолкали... Шутка ли!!! Этакие деньги!.. – шептала она, всхлипывая.

В кухню вышел художник.

– Бабуня, милая, вы не плачьте и не сердитесь на Ивана, – ласково сказал он. – Иван человек южный, горячий, но он не хотел вас обидеть. В самом деле, вы нехорошо сделали, что не спросивши нас, пошли просить нас на бедность... Студенты, бабуня, народ гордый... Деньги мы берём только за работу... С голоду ведь не умираем... А если и нуждаемся – что ж за беда! Будет после лучше... Ещё не один праздник

мы с вами «по-людски» встретим... Так-то, бабуня, вы не плачьте, голубушка, и на Ивана не сердитесь...

– Да как же это, – я перед княгиней-то, перед благодетельницей-то выйду, точно обманщица какая... Уж не знаю, как и сказать ей... Она подумает, что я её обманула...

– Вы всё на нас свалите... Они, мол, очень гордые, не берут... Я, мол, не знала, не спросясь их помощь выплакала...

– И вовсе не плакала, – обиделась Пелагея Ниловна. – Княгиня сама дала. Этакие деньги! Да вы бы одежду всю себе справить могли и праздник бы в веселье провели... Ну, твой приятель, Бог с ним! Точно бусурман какой... А ты-то, батюшка, чего на него смотришь?!

– Эх, бабуня, нам с вами не понять друг друга... Одним словом, денег мы не возьмём, вы их отнесите назад и вперёд никогда этого не делайте, – серьёзно сказал молодой человек и ушёл в свою комнату.

Долго сердилась Пелагея Ниловна на своих жильцов: входила к ним в комнату строгая и молчаливая, и разговоров по-прежнему не заводила, и сердито отворачивалась от них, если они с ней шутили. Когда к ней пришла Матрёна Григорьевна, то она с горечью ей обо всём рассказала.

– Осрамили они меня перед благодетельницей-то, дорогая моя Матрёна Григорьевна... Дома-то сколько шуму было... Чёрный как подбежит, как закричит... Как вы смеее нам помогать? У нас, у студентов, гордость большая.

– Велика спесь, когда нечего есть. Какие неблагодарные

люди, – вставила своё словечко Матрёна Григорьевна, попивая с блюдечка кофе.

– Так все праздники дома и пробедствовали. Ни тебе в театр... Ни тебе в гости... Уж я знаю, что и обедать-то не на что было... А на пятьдесят-то рублей всласть справили бы праздники.

– А что же княгиня-то взяла деньги? Ничего не сказала? – полюбопытствовала богаделенка.

– Конечно, взяла. Ей-то что! Небось, такому капиталу место найдётся. Не один человек за неё Бога по-молит. – Обе старушки, привыкшие жить подачками, не находили в этом ничего унижительного; о благородной гордости они не имели никакого понятия и молодых людей, при их бедности отказавшихся принять помощь, совсем не оправдывали.

V

Подходила Пасха. Светлее и теплее становилось на улице. Солнце чаще проглядывало на небе. Иногда бывали такие ясные хорошие дни, как будто весна пришла. Ведь она, волшебница, была не за горами, и её дуновение чувствовалось в природе. В квартире Пелагеи Ниловны тоже все повеселели. Молодые жильцы уже давно забыли о размолвке, да и хозяйка только делала вид, что сердится. Впрочем, скоро всё обошлось к общему благополучию. Студент медик получил уроки и из первого жалования купил своей хозяйке фунт хорошего кофе.

– Вот вам, Пелагея Миловна, преподношу сей целебный напиток! Он очень пользителен от ссор, от горестей, бед и болезней, от чёрного глаза и дурного следа, – весело сказал он.

Сердце не камень: наша старушка совсем растаяла.

– Да как же это? Спасибо, родной, спасибо! Правда твоя – мне кофе от всего помогает. Да как же это ты потратился... Самому много надо.

– Я теперь, бабуня, богат, как Крез. Могу весь Петербург купить, – пошутил студент, показывая хозяйке десятирублёвую бумажку.

– Шутники вы, шутники. Спасибо за кофе. Вот уважил! Буду пить да тебя вспоминать. Должно быть, хорош, – и ста-

рушка даже понюхала пакетик.

Когда же художник через несколько дней обновил Пелагее Ниловне все образа, то её восторгу не было границ.

– Тебе Бог за это счастья пошлёт, – говорила она, – сейчас видно настоящего иконописца. Вот какой ты мне праздник сделал! Утешил старуху. Как будто и в кухне у меня веселее стало. Спасибо, родной!

– Я для вас, бабуня, готов в огонь и в воду! – смеялся молодой человек.

Мир был заключён, и жизнь вошла в свою обычную колею. Незадолго до праздника медик зашёл к Пелагее Ниловне в кухню, присел на табуретку и торжественно сказал:

– Радуйтесь, бабуня, нынче у нас и праздник будет «как у людей». Я скоро получу деньги, и вы нам всё оборудуйте... И пасху, и кулич, и яиц, и ветчинки... Одним словом, как там знаете.

– Слава Богу! Наконец-то, – радостно воскликнула старушка. – Знаешь, родной, я это сделаю аккуратно. Полгорода оббегаю, чтобы купить всё подешевле. Пасху состряпаю заварную, а кулич – шафранный. Будет вкусно! Я, ведь, хорошая была стряпуха.

– Делайте, что хотите. А разговляться уж будем вместе, потому что без вас мы не согласны, – отвечал молодой человек.

Обрадовалась старушка. Эти предстоящие хлопоты, приготовления и стряпня уносили её мысли в давно прошед-

шее время, когда она жила в достатке и праздники справляла «по-людски». Она с нетерпением ожидала денег и беспрестанно советовалась с молодыми жильцами.

– Как вы думаете, родные, не поднять ли мне кулич на одних желтках? Я раньше всегда так делала. Выходит нежнее.

– Подымайте, бабуня, хоть на канатах, – отвечал ей, смеясь, медик.

– А ну тебя! Я с делом. А он балагурит, – обижалась старушка.

В жизни, однако, бывает не всегда так, как мы задумаем. В нашей знакомой квартире события неожиданно изменились и все предположения рушились. В четверг, на страстной неделе, ночью заболел чиновник. Когда он разбудил хозяйку, то на него страшно было смотреть: глаза у него точно выкатились, лицо потемнело – он едва говорил, стонал, охал и, ступая, вскрикивал, хватаясь за окружающие предметы.

– Ой, умираю... Спасите! Доктора, доктора, – бормотал он, бессильно опускаясь на табуретку.

Старушка побежала к студентам и разбудила их. В её голове мелькало, что они ни за что не пойдут к чиновнику, помня его обиды и нелюбовь к ним. Но она ошиблась. В одно мгновение поспешно оделись молодые люди и оба явились на помощь. Студент медик стал облегчать страдания больного, делал всё, что знал и что было в его силах; художник ставил самовар, бегал в аптеку и помогал во всём своему товарищу. Они не спали целую ночь. Больному было очень плохо, и им

казалось, что он не доживёт до утра. Чуть свет медик побежал за знакомым доктором. Тот одобрил всё сделанное, прописал лекарство, дал наставления и уехал, обещав быть ещё. У чиновника оказалось тяжёлое внутреннее воспаление.

– Его надо отвезти в больницу, – шёпотом говорила хозяйка молодым людям. Больной услышал.

– Ой, дорогие! Голубчики! Не возите в больницу... Пожалуйста! Подумать страшно. Тяжко мне, тяжко, – стонал больной и глядел на медика умоляющими глазами. В эту минуту его некрасивое лицо выражало страдание и мольбу.

– Успокойтесь, батенька, успокойтесь. Не повезём.

– Скажите, доктор, ведь я умру? Скажите правду. Конец приходит? Да?!

– Вот тоже, выдумали! Ещё на Пасху вместе пировать будем. Мы вас живо поправим, – успокоительным тоном говорил студент, ласково проводя рукой по руке больного.

– Я человек бедный... Чем лечиться? Ох, тяжко... Денег нет. Что мне делать? – стонал чиновник.

– Не тревожьтесь, всё будет, всё сделаем.

Пелагея Ниловна вызвала студентов на кухню и взволнованно стала их упрекать:

– Чего вы его слушаете! Прости, Господи, и перед смертью-то жадничает. На что ж вы его лечить-то станете? Я наверно знаю, что он вам денег не отдаст. Не своё же последнее вам тратить? Надо без разговоров везти его в больницу.

– Вы, хозяйюшка, не волнуйтесь. Вам эта болезнь ничего не

будет стоять. Это уж наше дело. Кажется, вы женщина добрая, а хотите выпроводить чуть живого, одинокого и беспомощного человека. Не ожидал я этого от вас! – серьёзно и внушительно отвечал ей медик. Старушка сконфузилась и промолчала; ей было досадно, что студенты тратят последнее на человека, который имеет средства; но в глубине души у неё подымалось чувство умиления: таких бессребренников, таких простых и добрых людей она ещё не встречала. Студенты, особенно медик, проводили около больного дни и ночи. Болезнь его была тяжёлая и мучительная. Он весь горел, метался, бредил и стонал. В тяжёлом горячечном бреде высказывался весь человек: подозрительный, скупой, живший только для себя.

– Не трогайте деньги... Зачем пошли к шкафу... Студенты взяли мой лимон... Чаю много положили... Не дам керосину! Больно делаете! Бессердечные! Никого не хочу знать! Ой, не могу!!! Не могу... – бредил и метался больной, ничего не узнавая.

Студент медик ухаживал безропотно, целыми часами прикладывал лёд, давал лекарства, ворочал, переносил безмолвно все капризы, и, только когда он очень уставал, его сменял товарищ – художник. Говорят, что молодые доктора питают особенно нежное чувство у труднобольным, будь это друг или враг, всё равно.

– Плох наш чиновник, очень плох, – говорил медик хозяйке и становился грустным, озабоченным и снова пригла-

шал доктора, чтобы испробовать иное лечение.

Между тем наступила страстная суббота. Пелагея Ниловна ушла к заутрене, а молодые жильцы остались около больного. Вернулась хозяйка, ей открыл дверь медик – улыбается, весёлый, радость так и рвётся наружу.

– Христос воскрес! – проговорила старушка. – Бог милостей прислал.

– Воистину воскрес, бабуня! Нашему больному лучше! Я, право, готов прыгать от радости! Теперь уснул. Пожалуй, пойдёт дело на поправку.

– Ну и слава Богу! – ответила Пелагея Ниловна, проходя в кухню, где скромно разговелась, чем Бог послал, и наедине погоревала о своих молодых квартирантах: «Ох, бедные! Ни тебе куличика, ни тебе пасочки – всё отдали. А сами ни с чем. Просты они сердцем, точно малые дети!» Первый день Пасхи был великолепный – ясный, тёплый, солнечный. Рано утром заглянуло солнышко и в комнату больного чиновника. Он открыл глаза и улыбнулся: ему казалось, что и он будто воскрес в этот великий день; его страдания утихли, и на душе у него было радостно. С улицы глухо доносился праздничный благовест. Больной окинул взглядом комнату и тут только заметил, что медик спит нераздетый в кресле: голова неловко откинулась на ручку, чёрные кудри растрепались, лицо бледно, и на нём видно утомление. Что думал больной – неизвестно, но он долго смотрел на студента, и в этом взгляде выражалось что-то тёплое, хорошее, сердечное.

Студент проснулся и порадовался виду больного.

– Вот какой вы у меня молодец! – весело сказал он.

– Спасибо за всё... Я отблагодарю вас... Я очень всё ценю.

Какой вы... – больной не договорил и протянул руку.

– Вот уж это нехорошо, батенька, что вы так говорите.

Благодарности мне никакой не нужно. Для меня лучшая благодарность, что вы поправляетесь, – отвечал, насупившись, молодой человек.

К огорчению Пелагеи Ниловны, опять её любимые жильцы встречали праздник «не по-людски»: без пасхи, без яиц, без куличей, ветчины. Но как будто только и может доставить удовольствие и радость, чтобы в праздник побольше поесть?! Лучшая радость для человека, когда на совести и на душе светлый праздник.

Когда к Пелагее Ниловне пришла в гости Матрёна Григорьевна, то хозяйка ей обо всём рассказала и прибавила:

– Ох, как они просты! Просты и добры, таких других и нет. Он-то им ни чернил, ни керосина, ничего не давал... А они за ним денно и ночью ухаживали. Последние гроши на него спустили. Я ведь всё вижу! Сами в такой праздник ни с чем остались. Вот они какие!

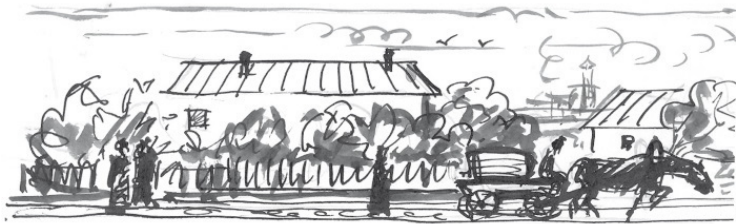
– О душе своей думают, Пелагея Ниловна. На том свете за всё ответ спросят. Значит, люди богобоязненные, – отвечала богаделенка, попивая кофей.

– О, беднота, беднота, – вздохнув, проговорила старушка хозяйка, покачивая головой.

Две сестры

Повесть

Дашета и Машета

На главной улице провинциального города Зарайска стоял красивый деревянный дом, окрашенный в голубовато-серую краску, с резными белыми карнизами и с узорчатыми окнами. Дом был двухэтажный, с мезонином, на каменном фундаменте. Кругом, за высоким забором, разросся густой, тенистый сад, и весной, когда там цвели черемуха, сирень и акации, нежный аромат распространялся далеко по улице. На воротах этого дома была прибита дощечка, а на ней значилось: «Дом М. и Д. Носовых».

Был один из самых обыкновенных летних будничных дней. В шесть часов утра калитка в доме Носовых отворилась, и из него вышли две женщины. Одна была высокого роста, худощавая, сутуловатая. В её тёмных волосах пробивалась седина; черты лица были тонкие и строгие, нос довольно большой, с горбинкою. Годы наложили немало морщин на это когда-то красивое лицо. Небольшие карие глаза смотрели грустно на Божий мир. Одета она была в чёрное паль-

то, в круглую с перьями шляпу, на руке держала вышитый ридикюль. Видно было, что женщина эта не придавала никакого значения наряду, – всё на ней было тёмное и довольно старомодное, но в этом тёмном наряде яркою белизною выделялись манжеты и воротничок.

Другая женщина по виду была прислуга. Полная низенькая старуха в большом сером байковом платке переваливалась, как утка, и плелась с большою круглою корзинкою в некотором отдалении за своей барыней. На улице просыпалась жизнь. Мужчины отправлялись кто на службу, кто на работу, женщины спешили на рынок, кое-где выбегали ребятишки, проезжали водовоз или телега. Две кумушки остановились поболтать на перекрёстке. Одна из них, увидев высокую, сутуловатую женщину, заметила как бы про себя:

– Барышня Носиха на рынок пошла.

– Да, – подхватила другая, – она хорошая хозяйка. Сестрица-то, поди, спит ещё. Только и знает, что наряжается да с собаками водится.

– А что, соседushка, ведь Носихам, поди, много есть годов? – спросила любопытная кумушка.

– Да вот, милая, я вам сейчас рассчитаю. Мой папенька сказывал, что ему пятнадцатый год шёл, когда старик Носов этот самый дом ставил. Она указала рукою на голубоватый дом.

– А через год у них эта старшая барышня, Марья Степановна, появилась. А через пять лет и Дарью Степановну Бог

дал. Теперь-то моему отцу за семьдесят будет. Вот и считайте сами...

— Да, годы немалые. Ведь, подите ж, и средства у них есть, и Марья Степановна была недурненькая, а не судьба: женихов не нашлось. Так и остались сидеть в старых девушках.

— Марья-то Степановна была сосватана, голубушка. Говорят, жених её утонул. Она шибко убивалась: больше ни за кого идти замуж не захотела. Ну, а Дарья Степановна какая-то неумная. Да и характерна очень. Кто ж такую возьмёт.

Кумушки потолковали и разошлись.

Вечером из того же дома Носовых показалась новая особа. Раньше неё из калитки выбежали две маленькие беленькие собачки с голубыми бантиками на шее, третью она вела на шнурке: это был толстый, уродливый мопс, одетый в красную попону. Вышедшая особа была среднего роста, полная, очень некрасивая: курносая, с выдававшимися вперёд скулами, с бесцветными узкими глазами. Её седые волосы были круто завиты на лбу, большая белая соломенная шляпа надета на затылок, на шляпе красовались розовые бутоны, ленты и перья. Платье на ней было бледно-розовое; вокруг талии обвивалась зелёная лента, которая спускалась концами сбоку; на плечах была накинута белая стеклярусная накидка, зонтик был палевый с широкими кружевами. Большие серьги, брошь, множество браслетов и колец довершали туалет этой особы. Барышня прихрамывала. Она обернулась, взглянула на окна, улыбнулась и закивала головою. Из

раскрытого окна в среднем этаже смотрела та самая худощавая женщина, про которую утром судачили кумушки.

– Дашеточка, вы бы одели ватерпруф; мне кажется, ветерок подымается. Я боюсь, вы простудитесь, – говорила смотревшая из окна.

– Не беспокойтесь, Машета. Я тепло оделась и погуляю недолго. Раза два пройду по городскому саду и вернусь.

– Не забыли ли вы чего-нибудь, Дашеточка? Взяли ли носовой платок, перчатки, портмоне?

– Не беспокойтесь, Машета, я ничего не забыла.

– Не гуляйте слишком долго... Станет холодно, сыро... Я буду беспокоиться.

Нарядная барышня в ответ только улыбнулась. Она оправила немного кудри на лбу и шляпку, стряхнула с платья несколько соринки и, закинув назад голову, опустил глаза,

пошла со своими собаками по улице.

– Возвращайтесь скорее, Дашеточка. Я буду ждать вас с самоваром, – донеслось ей издали из открытого окна.

Она обернулась и молча кивнула головою. Множество любопытных глаз провожало шедшую по улице особу с собаками. Многие даже высовывались из окон, чтобы посмотреть на неё.

– Младшая барышня Носиха пошла гулять со своими собачками, – говорили на улице и смеялись.

– Шляпа-то, шляпа у Носихи... точно огород! – заметила шустрая черноглазая девочка.

– А бантов-то сколько! Ленты хорошие! Ишь вырядилась, точно молоденькая... А всё-таки сразу видно, что старуха, – заметила её товарка.

Уличные мальчишки бежали за нарядной барышней вслед и дразнили собак. Ни сердитые окрики, ни угрозы не могли унять шалунов. Нередко на барышню с собаками глазели, остановившись толпою, заезжие крестьяне и вслух делали замечания.

– Матрёша, а Матрёша, гляди-ка, гляди, собаки-то как выряжены, точно облизыяны, – говорил молодой парень, подталкивая свою рябую спутницу в синей поддевке.

– Это кто ж такая будет? – спрашивала удивлённая молодая бабёнка.

– Это, должно быть, актёрка со своими собаками. Такая плясунья... вот что в киадре пляшет.

– Так, так... Оно сейчас и видно... Нарядившись-то как!.. Матушки-светы! Пестрота какая! Хорошо!

Барышень Носовых все знали в городе, и простой народ называл их «барышни Носихи». Уж давным-давно жили они в собственном доме на Большой улице. Жизнь их была у всех на виду, все к ним приглядывались. Тем не менее выход младшей Носовой на прогулку со своими собаками был всегда как бы целым событием и вызывал немало толков в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.